

Даниэль Брэн

ПРИТВОРНАЯ ДАМА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Ваш выход, маэстро!

Даниэль Брэйн

Притворная дама его величества

«Литнет»

Брэйи Д.

Притворная дама его величества / Д. Брэйи — «Литнет»,
— (Ваш выход, маэстро!)

Я прошла огонь, воду и медные трубы, стойкости мне не занимать. Но по собственной неосторожности я оказалась в теле юной Маризы, внебрачной дочери небогатого графа. Замки, кареты, роскошные платья, отсутствие медицины и права выбора: вместо законной дочери я отправляюсь к королевскому двору. Я представляю, чем для меня это кончится, и я против. Историческое фэнтези: детали достоверные, порой неаппетитные. Зрелая циничная героиня в теле двадцатилетней девушки. Быт, агрессивное прогрессорство, придворная жизнь. Опыт и умение выживать против наивности и чистоты, чувство независимости против всех остальных чувств.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	22
Глава седьмая	25
Глава восьмая	28
Глава девятая	32
Глава десятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Притворная дама его величества

Автор: Даниэль Брэйи

Глава первая

Брызги мокрого снега летели мне прямо в лицо, а солнце слепило глаза. Я мчалась вниз по склону, и мне было на все наплевать.

Когда самолет заходил на посадку, сильно выюжило, потом резко поднялась температура и трассы закрыли, опасаясь схода лавин. И я просидела три дня из выделенных на отпуск пяти, разглядывая белизну за окном, стены номера и телевизор. Вечерами я выбиралась в лобби послушать саксофониста и пыталась избежать навязчивого внимания со стороны: в тридцать семь некоторые успешно выходят замуж за принцев, а некоторые стремятся заполучить обеспеченных жен.

Вроде меня.

И плевать, что мне пятьдесят, что жизнь меня потрепала порядком и налицо в прямом смысле слова искусство лучших косметологов столицы. Зато у меня за плечами – опыт и умение несколько разнообразить беседы, а также понимание, что не только ноготочки привлекают мужчин. Ум, нажитая кровью и потом мудрость, появившееся с возрастом улыбочное спокойствие... И деньги, конечно же. Но тут, на горнолыжных курортах, так: отдельно – семьи с детьми, отдельно – разновозрастные фанаты катания, отдельно те, кто приехал отдыхать, потому что больше сейчас и некуда, а дальше две разнополюе группки: одни рыщут в поисках принцев, другие охотятся за королевами.

Сегодня я неслась по склону, а за мной гнался самый настоящий нефтяной магнат. Если, конечно, можно было его словам верить, но я и не верила.

Мне было важно, что я вижу снег и солнце и скорость чувствую всем существом. Идиоты гоняют на тачках – я только хмыкаю из окна своего автомобиля, когда их бесцеремонно тащат в патрульную машину сотрудники ДПС. Гонщики-неудачники, идиоты, кое-как расплатившиеся с кредитом и, слава богу, пока никого не убившие. Кого вы пытаетесь этим всем впечатлить? Неужели судью? Бедные судьи!

А я – я знаю, что такое настоящий экстрим. В девяностые годы отец пришел из НИИ и грустно развел руками, а мать давно уже забыла, как выглядит ее родной завод. А я? Я просто достала полторы тысячи долларов, которые заработала за пару лет, торгуя в каникулы на рынке, заняла еще тысячу у друзей и отправилась на раздолбанном автобусе в Польшу.

Дальше были: брошенный за ненадобностью институт, первая палатка на Черкизовском рынке, потом – Савеловский рынок, где я хотя бы не мерзла, регулярный и уже комфортный шопинг в Стамбул. Затем Италия, миланские выставки и фото на фоне гор, отделанные гранитом торговые центры, потом кончились гламурные нулевые и воцарился всем известный «Али-Экспресс», развивались интернет-магазины, юные барышни покупали модный гардероб, прикладывая к кассовым аппаратам кредитные карты, а я могла бы начать писать историю современной модной индустрии. Но вместо этого я держалась на рынке и забирала места у менее изворотливых конкурентов. То, чему меня научил бизнес: стисни зубы и двигайся дальше, и однажды мимо тебя проплывет труп твоего врага.

Я занимала денег в долг у братвы – какая наивная, я надеялась, что смогу отдать его как-то иначе, а может, мне совсем повезет, и я выйду удачно замуж за кого-то из моих кредиторов, но нет, однажды мне выкатили проценты и пришлось продавать дачу, которую я только что купила родителям... Жарким летом ночной ураган уничтожил четыре из шести моих павильонов и разметал ассортимент по близлежащим балконам. Спустя два месяца я проснулась и

поняла, что потеряла практически все, а потом... Но я выстояла. Вот она я, Мария Успенская, в списке самых богатых женщин страны. Список, который, на мое счастье, известен только налоговой. Мало кому приходит в голову, что эти три интернет-магазина и восемь торговых марок разного рыночного сегмента, и даже эта косметическая линия с иностранным названием принадлежат мне. Мне пятьдесят, я знаю, что значит риск, и по пустякам никогда не рискую.

Мой же свежепойманный миллиардер – кто кого еще поймал, усмехнулась я! – на лыжах держался не слишком уверенно. Меня беспокоило мало, что он переломает себе конечности в погоне за чужим кошельком, игра у нас с ним была честная: втемную. Муж меня не интересовал. Ни разу. Мужчины в моей жизни попадались слабее, а сильный с кулаком по столу меня не устраивал по ряду причин, и я отлично держала кавалеров на расстоянии. Не повод для знакомства – хорошая ночь, как шутила я в кругу мнимых подруг, настоящих подруг у меня никогда не было, а пить в крутом ресторане коллекционное вино после мероприятий нам псевдо-дружба никогда не мешала.

А мужчины... Несмотря на проживание в «полулюксе», очередной возмечтавший обо мне потенциальный супруг больше походил на увязшего в кредитах охотника за богатой женой, чем на финансового воротилу. Но еще не пережил возраст, когда понты стоили дороже, чем собственная жизнь.

И сейчас он летел по опасной кромке, видимо, желая меня обойти.

Нас же предупреждали о лавинной опасности? Склон все еще был закрыт? Но ему очень хотелось передо мной покрасоваться. А мне было уже плевать на условности. Я хотела немного драйва и так, чтобы никому случайно не навредить. Это горные лыжи – идеальный вид спорта, только моя трасса и только моя ответственность. Я заплачу любой штраф и даже ски-пасс не жаль потерять, впереди у меня целый год и еще много дел, и для этого мне нужны силы.

А этому дурачку дорого обойдется охота за миллиардами, мелькнула у меня мысль, когда я услышала странный низкий гул.

Снег сходил пластом, молниеносно, куда мне было бежать от этой великой мощи? Я бросила палки и приготовилась умереть. А потом меня закрутило, накрыло, потащило куда-то, и страшно не было, только слегка любопытно, через какое время меня откопают и откопают ли вообще. Но должны. Я вспоминала инструкции, старалась держаться ближе к поверхности, удастся ли мне, станет ясно чуть позже.

Гул затих, лавина протащила меня по склону порядком, и мне почему-то казалось, что я в толще снега ногами вверх. И еще – что я где-то потеряла при падении лыжи, и, возможно, где-то там барахтается мой несостоявшийся кавалер. Не особенно мне было его и жалко.

Я вздохнула и сплюнула, чтобы понять, где верх, где низ. Гравитацию не обманешь, слюна стекла по щеке и шмякнулась вниз, значит, все было не так уж и плохо.

Я выбиралась и не из таких ситуаций. Осторожно, чтобы не повредить себе что-то еще больше, если я пострадала, я пошевелила руками, ногами, еще осторожнее – шеей. Но все отлично функционировало, в очередной раз мне несказанно повезло или тренеры у меня были хорошие.

Теперь нужно было попытаться выкопаться из снегов. Я задергала руками, ногами, и у меня было стойкое чувство, что лавина должна бы меня придавить, снег мокрый, тяжелый, в нем легко задохнуться, но нет, дышать мне было легко и я быстро начала выбираться...

И первое, что я увидела, когда проморгалась, была лошадиная морда. Лошадь фыркнула прямо в лицо и отступила.

– Марица? – услышала я чей-то смеющийся голос и принялась отплеиваться от снега. Все оказалось не так и страшно, мы не одни проигнорировали предупреждения о сходе лавины и катались на склоне. – Марица, ты все еще не умеешь как следует ездить верхом.

Девушка, которая говорила это, смотрела прямо на меня. Я уставилась на нее в ответ – совсем молоденькая, лет пятнадцати, с вычурной дурацкой прической, одета в неплохо пош-

тое длинное платье, на плечах накидка. Ролевики? Очень маловероятно. Такую компанию я бы запомнила. Киносъемки?..

Не то чтобы я что-то подозревала. Не то чтобы я допускала такую возможность. Но то, что я видела перед глазами, я могла списать только на то, что пострадала намного серьезнее и мне срочно нужна медицинская помощь.

Я заполошно выбиралась из снега, и никто, никто из стоящих рядом ролевиков – ни девушка, ни какие-то дюжие мужики, ни дама примерно моего возраста, все одетые в костюмы «под старину», не бросились мне помогать. И если от дамы я помощи и не ожидала, то девушка повела себя нетипично – молодежь сейчас совершенно другая, мимо пьяного не пройдут, а тут я. Женщина в возрасте и в сугробе. Я подняла голову, и на какой-то момент меня охватил леденящий ужас.

Я находилась в лесу – и отлично помнила, что такого леса нет на склоне. Просто нет, я знала окрестности от и до, я приезжала сюда далеко не впервые, зимой и летом, я исходила на этом курорте все с тех времен, когда он не был настолько раскрученным и вылизанно-пафосным. В этом краю нет таких лесов – густых и абсолютно нетронутых. Здесь никогда не было лошадей, им нечего делать тут. Не было и не могло быть так странно одетых людей.

Так много странно одетых людей. Если это кино – где собственно съемочная бригада?

Я выбралась, вцепилась руками в... собственную длинную неудобную юбку, и мне сразу стало невозможно дышать. Что-то стискивало мою грудь, словно я была в гипсе, что-то странное было с моими стриженными волосами. Я поняла вдруг, что одна нога у меня босая и что я ощущаю ступней холодный снег, и что тело мое непривычно другое.

– Мадемуазель, позвольте, я помогу вам сесть в седло?

Это было сказано не мне, а веселой красивой девушке, и она сразу оставила меня, как будто так было и нужно, и все перестали обращать на меня внимание, только бородатый мужик неодобрительно покачал головой.

– Поднимайся, Мариза, и хорошо бы госпожа графиня не прознала об этой шалости. Посмотри-ка туда.

Я послушалась. Я научилась безошибочно распознавать нюансы тона, которым со мной говорят, и мало что могло меня испугать так же сильно, как спокойно сказанное «брось машину, вон поезд идет». Но сломанный автомобиль, переезд, поезд – это было знакомо. Там, куда показал бородатый мужик, в низком небе, над кромкой леса, медленно, как заходящий на посадку самолет, летело чудовище.

Глава вторая

Огромный зверь планировал, лишь изредка взмахивая крыльями, и он был близко, ужасающе близко, с его размерами – несколько секунд стремительной атаки, и нам конец. Мне конец.

Меня начала колотить мелкая дрожь, а через мгновение затрясло так, что я расслышала, как стучат мои зубы. Чудовище скрылось в облаке, оно могло мне померещиться, скорее всего, так и было, и это было хуже всего. Я растеряннo озиралась: ни проводов, ни шума машин, ни следов самолетов... Нет подъемников, но они должны быть! Нет вышек сотовой связи! Мне могло привидеться то, чего нет и быть не может, но я не могла не видеть то, что быть должно?

Мне казалось, я забыла этот физический страх еще с девяностых, когда уснувший водитель вылетел на встречную полосу и – да, мы удачно легли всем автобусом на бок. Спасла нас куча шмоток, которыми был забит весь салон. Я научилась справляться со страхом, думала я, но нет. Я не сталкивалась с таким раньше – мое тело реагировало однозначно. Опасность, неизвестность, и некуда от нее сбежать.

– Полно тебе, Жюль, матушка отправит меня молиться, а Маризу пошлет разбирать приданое Адрианы. Когда бы моя сестра еще собиралась выходить замуж – она же мечтает быть настоятельницей.

Юная мадемуазель держалась в седле превосходно. И почему-то ее милое и доброе лицо и ласковый взгляд теплых карих глаз сработали у меня как сигнал к истерике. Силой воли я заставила себя оставаться на месте. Просто косплееры, ничего больше. Вероятно, какая-то богатая компашка, потому что такое точное воссоздание костюмов требует огромных денег. Может быть, снимают любительское кино. Фанаты «Игры престолов». Ролевики. Отсюда и змей. Просто я слишком сильно ударила голову. Осмотреться и спросить, где находится горнолыжный курорт.

Но небо было смутным и низким и не было видно гор.

Девушка тронула лошадь и поехала вперед, я же стояла, судорожно себя ощупывая... да, на мне было длинное платье, какая-то теплая курточка или что-то вроде того, и грудь моя была затянута в подобие корсета. Я глубоко вздохнула и сразу закашлялась, воздуха не хватило, и никто не повернул ко мне головы.

Нет ни гор, ни подъемников, ни отелей, ни вышек, не слышно перестука колес поездов и надсадных гудков электропоездов. Галлюцинация? Смерть? Другой мир? Как это все объяснить, есть ли этому объяснение? Как здесь живут, как здесь выживают, какое место занимаю тут я? У меня ведь есть право голоса? Кто я? Где я?

Бородатый мужик подвел ко мне лошадь, но я шарахнулась от нее, и мужик, посмеиваясь, пошел себе следом за остальными, держа лошадь под уздцы, и в хвосте кавалькады тащились сани. Я смотрела на это все сквозь непрошенные слезы, отдавая себе отчет, что что-то перемкнуло в мироздании и я теперь где-то... не знаю где, но одно очевидно, фигура моя настолько незначима, что всем наплевать, что я тут стою и могла пострадать от падения с лошади. И это меня пугало больше всего. Я уже отвыкла быть человеком, с которым вообще не считаются. Могу ли я возразить?

Сбежать? Но куда? Я сделала пару шагов. Ногу пронзила боль, но я понимала – от холода. Я чуть приподняла юбку – на второй ноге были отвратительно неудобные мюли. Я здесь ничего не знаю, самым разумным будет идти за незнакомыми мне людьми и делать вид, что все идет как обычно. Мне нужно время, дальше я разберусь. Может быть, мне действительно это кажется, ничего этого нет, я в больнице и скоро приду в себя.

Я потерла рукой лицо. Я выбиралась и не из такого дерьма. Если это взаправду – выбора у меня нет. Совсем. Категорически.

Мне надо делать все так же, как я привыкла: стиснуть зубы и идти дальше.

Люди уже ушли вперед – и да, моя судьба их не беспокоила. Кто я? Какая-то прислуга? Младшая нелюбимая дочь? Насколько мне повезло?

Я шла по свежему снегу, стараясь не думать о том, что получу обморожение, и отмечала, что у нас – там, где я живу – нет такого снега и не было никогда. Не было нигде из тех мест, где я побывала, а поездила я немало. Все равно дает отпечаток то, что существуют автомобили и промышленность, а здесь он... даже не белый, синий какой-то. И воздух абсолютно другой. Небо низкое, слишком низкое, тянется ровно и бесконечно, и какие-то твари летают в поисках жертвы себе на обед.

Что это за место? Что за мир?

Что-то ухнуло в глубине чащи, и моих сил не хватало, чтобы испугаться еще сильнее, а бородатый мужик оглянулся и неодобрительно покачал головой. Вероятно, уже записал меня в строчку меню того монстра, который высматривал ужин.

Я выдохнула и бросилась за людьми. Бежать мне было легко и сложно одновременно. Что это значит? Тело еще молодое. Но оно не привыкло к бегу – может быть, не привыкло и к непростому труду. Скорее я что-то вроде прислуги или какой-нибудь приживалки: такое нечто, помрет – не жалко, особенно не напрягается, потешает мадемуазель своими ужимками.

Черт, черт, черт. Дыхание сперло, нога потеряла чувствительность, но я уже нагнала сани и свалилась на них. Черт, черт, черт. Мне никто ничего не сказал – хорошо бы не выкинули, если крылатая тварь нависнет над нами. Мадемуазель им явно ценней, а сил у меня – у этого тела – мало. Я, наплевав на то, какие тут могли быть приличия, задрала юбку почти до колен и принялась растирать голую заочевевшую ногу. Вторая замерзла не меньше, но хотя бы она была не босой.

Нет сил – нет никаких шансов выжить. Физических или духовных.

Работа меня никогда не пугала. К работе я привыкла – день и ночь, в любое время, отпуск или что угодно, все приходилось решать самой. Делегирование полномочий – прекрасно, но каждый мой управленец отлично знал, где его полномочия завершаются. И работа руками – боже мой, я лично загружала барахло в микроавтобусы! Развешивала товар и стояла на лютom морозе с восьми утра до восьми вечера, заботливо прикрывая клиентку, примеряющую безразмерные штаны, и охраняя поясную сумку с выручкой от вездесущих карманных воров. Нет, работа будет за благо. Мне повезло, если я служанка. Меньше сам человек – меньше спроса, а я уже понимала, видела, что это средневековый мир.

Или не совсем уж средневековый. Век шестнадцатый или семнадцатый, если поверить тому, что костюмеры исторических сериалов не халтурят. От этого мне не легче, потому что я женщина. Практически бесправное в эти времена существо, но была бы мужчиной простого сословия – пришлось бы хуже. Войны, нелегкий труд, никто не слышал о технике безопасности. В любом случае здесь на нуле медицина, и моя основная задача, пока я не разберусь – не болеть, не получать травмы, не вздумать забеременеть. И как мне ни было страшно, я не сдержала смехок: да я и в нашем-то мире с его медициной и моей шикарной страховкой не удосужилась! Сначала – в деваностях – было не до того, да и знала, что ребенок при моих раскладах – помеха, а еще уязвимость, потом, в двухтысячные, стало полегче и решила пожить для себя, ну а в две тысячи десятые как-то привыкла к спокойствию и одиночеству. Вот только будет ли кто меня спрашивать? Но опять же, служанке проще, никто не будет следить, произвела ли она на свет наследника...

Я выравнивала дыхание. Мужик, шедший с санями, чуть притормозил и бросил мне какую-то шкуру. Я благодарно кивнула, прикрыла ноги.

– Вот за туфлю-то тебе достанется, – напроорочил мужик. Я пропустила его слова мимо ушей. К черту.

Мы выехали из леса. Впереди вырос замок – низкое здание, три этажа, серые камни, узкие окна, озеро, сейчас застывшее. Мы проезжали деревню, будто вымершую сейчас, только какая-то баба, переваливаясь, шла к одному из домов. Деревня была непохожа на наши – каменные дома, прилепленные друг к другу, а местами стоящие в отдалении, серые, унылые, вокруг нищета и грязь. Даже снег тут превратился в черное месиво. На некоторых домах болтались вывески, и я – и не так уж меня ужаснуло – по слогам прочитала слова «Трактир “Мое сердце”»...

Мой мозг, подумала я, он сейчас разлетится на части. Дверь трактира хлопнула, здоровый мужик выкинул оттуда пьянчужку. Я закрыла лицо руками – это какой-то сюрреалистический сон.

Средневековые деревни я видела. Красота, цветы, приветливые хозяева. «5 евро – 1 фото». Каждый зарабатывает как может. Средневековые деревни я видела в современной комфортной Европе. Это не современность – пора это признать.

Я встряхнула головой, посмотрела вперед. Девушка и ее спутники на лошадях уехали, тащились только мы на телеге и лошадь. Я сказала себе – не заглядывай наперед, еще десять минут, и ты все узнаешь.

Замок встретил меня адским холодом. Я вцепилась в шкуру, мужик вырывал ее у меня из рук, и в этот момент я поймала себя на том, что начинаю паниковать. Нет, не сейчас, совершенно не время. Барышня убежала, и все разбежались кто куда, только я стояла в огромном зале, скованная неизвестностью.

Я переступила с ноги на ногу. Мне казалось, что тут еще холоднее, чем было на улице – выше влажность? Темно, свечи и какие-то лампы чадят по стенам, всюду камень, давит как в склепе.

– Мариза! Ну что стоишь, дурная девка?

Это сказали мне. И прежде чем я успела что-либо ответить, подошедшая женщина средних лет сунула мне в руки новые туфли.

– Спасибо, – сказала я. Это кстати. Но чтобы губы не разошлись в ухмылке, пришлось приложить немало усилий.

– Разносишь туфли, – приказала мне женщина. Я смотрела не на туфли в моих руках, а на свою собеседницу. Сколько ей лет? Шестьдесят, показалось мне, но, немного привыкнув к царящему полумраку, я поняла – лет тридцать, может быть, тридцать пять. – Разбери платья госпожи, сама знаешь, что с ними делать. Вот говорила я госпоже графине, что личико еще не все! – непонятно закончила она и подтолкнула меня к огромной каменной лестнице.

Какая-то адская пасть темноты там и я туда не хотела идти категорически.

– Госпожа? – не то возмутилась, не то попробовала общаться я. – Я ударила головой, госпожа.

– Что? Кому это новость? – проворчала женщина. – Куда тебе ехать вместо молодой графини, вот я скажу госпоже! Двух слов не свяжет, манеры деревенской девки, учи, не учи!

– Куда мне идти и что делать?

Больше всего сил потребовалось на то, чтобы не перехватить ударившую меня по щеке руку. Что-то мне подсказало: нельзя.

– Вот ленивая! Лишь бы от работы отлынуть! Забыла, где спальня твоей госпожи? Вот я скажу графине, розги быстро память вернут!

Все-таки я служанка. Можно перевести дух. Розги, пощечины, недоедание. Но уже какая-то определенность. Что я знала об этой эпохе кроме того, что уже смогла вспомнить? Все надо делать руками, но это не большая проблема, пугает не это. Что это за мир? Наше прошлое? Нет, в нашем прошлом не было летающих тварей. Что-то иное? Какие сходства, какие различия кроме того, что я уже видела?

Но женщина почему-то смягчилась. Внезапно, и мне показалось, что в ее темных глазах мелькнуло что-то похожее на чувство вины.

– А ведь занялись бы тобой, как стоило, такая бы барышня вышла! – сказала она с непонятным мне сожалением. – Да что с господина графа-то взять. Вон, сколько таких как ты, как только его господь терпит да земля носит.

Уточнять, кого терпит, кого носит, за что, я сочла неуместным. Мне все еще предстояло подняться в эту черную пасть, и пока женщина согласилась меня проводить, я не рисковала с ней спорить. Я старалась не потерять туфли, не споткнуться, не стучать зубами. Я не ошиблась и мне не почудилось – холодно было адски. Закрывать глаза, и можно представить, что я все еще стою на рынке, абсолютно не чувствуя ног и рук, и советую покупательнице померить вещь, которая налезет ей хорошо если на одну руку вместо ноги...

– Ну, вон сундук, отбирай, что тебе впору. И не вздумай то, что не впору, – опять очень загадочно посоветовала мне женщина и ушла.

Глава третья

Отбирай... я хмыкнула. Впору. Мне хотелось не впору, а теплые штаны и сапоги, можно угги, наплевать, что согласно опросам мужчины считают их самой отвратительной обувью. Кто бы их еще слушал – только не я. Вон сундук... шкафы вдоль стен, не комната, а тюремная камера, простывшая, промозглая, темная. Свечи давали едва различимый свет, а темнота всегда на меня давила.

Я шагнула к одному из шкафов довольно уверенно и вдруг осознала, что тело помнит. Что-то оно продолжает делать само, несмотря на то, что разум у него другой, но если отвлечься... И я позволила этой Маризе залезть в один из шкафов.

Я распахнула створки и застыла. Стоять было холодно, как на улице на ветру. Двигаться мне не позволял ступор. Кровать. В этом шкафу кровать.

Я не представляла, как спать в этом гробу. С резными дверками и какими-то нелепыми шторками. Вон подушки, вон одеяло... несвежее белье, кто в нем водится – лучше не думать. Вытянуться во весь рост в кровати было нельзя, только полулежать на не слишком чистых подушках. Я закрыла дверцы, прошла по комнате – таких кроватей-гробов было три.

Потом я поискала, куда бросила туфли – машинально я выронила их, когда рассмотрела кровать. Сунула ноги – прекрасно, перепутала, поменяла туфли местами. Нет, я не обманывалась: они были на одну ногу. Вернее, ни на одну. Ни на правую, ни на левую, а на какую-то среднюю. Ни туда, ни сюда...

Присев, я смотрела на это чертово извращение. Разнашивать, вот, значит, как. Мне было не привыкать – нога у меня в той жизни была далеко не Дюймовочки, размер ходовой, но лапа широкая, и обычно я короткими перебежками до продуктового магазина разнашивала все – от кед до дизайнерских шедевров стоимостью в три отдыха в Турции в «пятерке» эконом-класса. И если у меня был выбор – ходить босиком или испытать ностальгию, пусть так.

Что имела в виду женщина, вклеившая мне пощечину, но потом пожалевшая, я так и не поняла. Выбрать себе одежду из сундука, но зачем? Куда-то ехать вместо кого-то? Черт с ним. Сундук был один, хоть тут повезло.

Я подняла тяжелую крышку сундука и принялась копать в его нутре. Красивая одежда. Неудобная, но красивая, и бизнес-вумен во мне засмеялась. Да, были времена, когда за такие шмотки убивали, потом эти же шмотки крали, и не так это было давно, я помнила, как в восьмидесятые обокрали соседку и как она убивалась по шубе и по костюму... По шубе! Эти люди не знали цену собственной жизни и мерили ее обычным шмотьем!

Но теперь за каждый испорченный шмот с меня будут драть три шкуры. Ткани дорогие, работа дорогая, отделка... я присмотрелась. Жемчуг? Непохоже, слишком мелкий, и что это – рубашка? Платье? Халат? Похоже на платье, но вот еще одно, юбка словно разрезана пополам, откуда такой разврат?

– Мариза?

Я вздрогнула. Станные ощущения: если на улице кто-то кричал «Маша» – я оборачивалась, хоть и знала, что кричат стопроцентно не мне. А это имя – Мариза – как будто было моим. Как и знание языка и голос, только вот я не знала, кому он принадлежит.

– Ты померила? Все тебе подойдет?

Девушка, стоящая в дверях, была... я бы сказала – неземной. Отрешенный взгляд, тихий голос, вся словно в себе. Но одно я понимала – она хозяйка, мне надо выпрямиться и поклониться.

Поэтому я спешно сбросила шмотки с колен, встала и отвесила неглубокий поклон. Тело помнило, что ему надо делать, хотя сознание это не знало. Я поняла, что в таких ситуациях проще положиться на память, которая мне не принадлежала.

– Я еще не мать-настоятельница, Мариза.

Ах вот оно что! Адриана, кажется, так называла ее та молоденькая красоточка. Старшая сестра? А я что-то, видимо, сделала все же не так.

Адриана с легкой и доброй улыбкой прошла в мою комнату – или все-таки не мою? Сколько девушек делили ее между собой? Три? Больше? Я отошла к стене, не назвала бы это рефлексом, скорее каким-то предзнанием.

– Если тебе еще что-то нужно, скажи. Все мои вещи я все равно оставляю в миру.

– Вы правда хотите стать монахиней? – вырвалось у меня. Сколько ей лет? Восемнадцать? Двадцать? По нашим меркам – совсем неразумный ребенок, зачем ей покидать этот мир?

– С того дня, как я впервые переступила порог храма, я мечтала служить господу нашему, или ты не знаешь? – несколько раздраженно или даже заносчиво отозвалась Адриана. – Помогать сирым, утешать убогих, жизнью своей искупать грехи свои и чужие. – И тут же приняла деловой вид: – Пройдись-ка.

Я пожалала плечами, но прошла от одной стены к другой, остановилась и посмотрела на Адриану. Та поморщилась, а потом что-то спросила меня на незнакомом мне языке.

– Отвечай же! – потребовала она, поняв, что я ничего выдавить из себя не в состоянии. А я, хотя понимала, что корчить недовольную рожу в присутствии госпожи мне не подобает и меня вполне могут за это высечь, ничего поделать с собой не могла. Я не только не понимала этот язык, я даже не могла распознать, что это за речь. Никогда не слышала ничего похожего.

– Не хочешь? – странно спросила Адриана. – Святая Анна! Ты согласилась!

На что, хотелось заорать мне, но я, разумеется, так не сделала. Согласилась – на что? На что подписалась эта дураха? Выучить иностранный язык? Быть проданной в рабство? Вряд ли здесь есть еще рабство, но кто знает, как тут шла история и какими дорожками...

– Мариза, ни отец, ни мать не могут перечить герцогине де Бри, – убежденно сказала Адриана, решив, что я заартачилась. – Ни отец, ни мать не настолько жестоки, чтобы вместо дома божьего отправить меня ко двору. Но ты – ты согласна! Разве же нет?

Я могла как замотать головой, так и кивнуть. Если бы я понимала, о чем идет речь. Кроме того, что Адриана настроена принять монашеский постриг, а родители только за. Станные, но... Карьера в монастыре не так уж плоха, если я правильно помню.

Королевский двор? Вот это точно не самый выгодный вариант.

– Мы ведь похожи с тобой, – продолжала Адриана, и вид у нее был уже не настолько идеальный и благодостный. Мелкая пакостница, споткнувшаяся о чужую волю, так-так. – Тебе всю жизнь или ходить за матушкой и сестрами – или выдать себя за меня. У тебя будут деньги, мы не так и богаты, но хоть что-то... А там кто знает, как повернется твоя судьба? Герцогиня оказывает нам великую честь, принимая одну из нас при дворе. Это для меня огромная честь, что говорить о тебе?

Для меня, про себя повторила я. Девица разом поставила меня намного ниже того положения, которое занимала сама, но это мелочи. Сама она ко двору не стремится. Королевский двор. И если хоть немного правда то, что я читала в интернете, а не в приключенческих романах Дюма – ничего странного, что родители этой мелкой лицемерки, да и она сама, предпочли, чтобы она сидела в монастыре.

Похожи, мы с ней похожи. Адриана еще что-то говорила, а я рассматривала ее. Себя мне пока увидеть не удалось, да не очень-то и хотелось. Миловидная, темные волосы, темные глаза, аккуратный бюстик. Я вспомнила историю Анны Клевской – какие времена, фотографий нет, в наличии только художники с сомнением, сунь, собственно, приукрашенный парадный портрет любой крокодилы королю, тому придется жениться на том, что сунули, иначе дипломатический скандал и конфуз. Но то женитьба, до Анны была еще одна Анна – Болейн, и как бы планы ее завели аж на плаху. А куда ей было деваться? С одной стороны – озабоченный Генрих Восьмой, с другой – собственные амбиции, а уж как повернулось – второй вопрос.

Мне предстоит быть кем-то вроде несчастной мадемуазель де Ла Вальер. Она, кажется, рожала в проходных комнатах Лувра под брезгливые взгляды Анны Австрийской. Месье Дюма деликатно этот момент обошел, зато историки сохранили и интернет добродушно поведал об этом интересующимся.

– Я могу поехать с вами в монастырь, мадемуазель? – быстро спросила я. – Я передумала, я не хочу во дворец.

Я умела оценивать ситуацию и принимать решения моментально. Монастырь? Кто сказал, что там плохо? Работа, молитвы, а с другой стороны – защита церкви и короля, собственные земли, имущество, пожертвования и – собственное производство. Кем я могу со своими навыками стать при дворе – понятно, вопрос, надолго ли и после каких по счету родов – и от кого – я отправлюсь на кладбище. Кем я могу стать в монастыре? Кем угодно, от кастелянши до огородницы, потому что я принесу деньги, а значит, меня будут ценить. Я могу вспомнить хоть какую-то медицину из той, что у нас считалась элементарной. Я могу открыть фельдшерский пункт или детскую школу, если она здесь, конечно, нужна. Я могу наладить любые каналы сбыта – и мать-настоятельница на меня уже станет молиться. Так что лучше: спокойная жизнь среди увлеченных молитвами дам, где до меня не будет никому никакого дела, или непредсказуемый двор, не при будущей монахини будет он назван другими словами?

В монастыре будет точно теплее, чем здесь. Да что говорить, в это адово время монастыри – колыбель науки и просвещения.

Мне было над чем поразмыслить, когда я осталась одна. Как я понимала – это совсем ненадолго.

Адриана не стала со мной обсуждать варианты. Да, мои опасения подтвердились, здесь, в этом мире, я была никем – у меня не было ни желаний, ни мнения, ни собственно жизни. Даже не мелкая сошка – здесь барахло берегли больше людей и лошадь ценили выше.

Зато мое глупое тело радостно согласилось заменить эту чванливую монашку. Нужны ли в монастыре такие гордячки и что об этом говорит местная религия, я не бралась судить. Наша история говорила – можно жить многим лучше, чем при троне. Черт, черт, черт...

Мое тело согласилось заменить собой девицу, которой какой-то родственник или покровитель выбил тепленькое место при королевском дворе. Зачем ему это все было нужно? Возможно, и даже скорее всего, какие-то интриги и козни, в которые меня даже не посвятят, а так, пнут и выкинут, если не похоронят. Мой мозг, который мироздание оставило мне, был с этим решением не согласен. К черту двор, у меня еще вся жизнь впереди, и кто бы знал, как я в общем-то успела устать от многого, особенно от людей, облеченных властью.

От многочисленных проверяющих до крупных чиновников. К счастью, мой бизнес был абсолютно не тот, чтобы он мешал кому-то в политике, но сколько раз я была свидетелем, как вчерашняя клиентка, лениво или же увлеченно рассматривавшая каталоги и совершенно не смотревшая на цены, сегодня не брала телефон или – что реже намного – говорила вполне откровенно, что не будет выкупать этот заказ. Вчера – супруга богатого бизнесмена, сегодня – жена разоренного человека, вынужденная вспоминать, как готовить борщи, и запоминать, по каким дням акции в ближайшем супермаркете. Все из-за того, что деловые отношения с властью чреватые, для начала, угрозой со стороны конкурентов.

Нет, нет. Я слишком устала от этого в прошлой жизни.

Глава четвертая

Я не хочу ни развлекать, ни развлекаться, ни постоянно оглядываться, не подсыпал ли мне кто куда яд. Считаться со мной будут в том случае, если у меня будут деньги, это правило работает во все времена. Пусть это будут всего лишь купцы из соседних палаток и домовладельцы. Но принимать решения буду я, а не девица с громким титулом.

Что мне делать? Замок в лесу, здесь, конечно, есть уголья и огороды, но вряд ли мне кто позволит поднимать сельское хозяйство вместо того, чтобы крутить шлейфом перед принцами. Затронуты интересы семьи, пусть пока я не знаю, каким образом они собираются выдать меня за эту заносчивую двуличную дрянью.

Что у меня есть? Ничего, кроме этих шмоток. И хотя они стоят немало, я не смогу их вынести и продать. Физически я вынесу все, но люди заметят.

Чего у меня нет, если идти от противного? Обязательств. Я здесь никого не знаю и знать не хочу, у меня ни к кому здесь нет чувств и привязанностей. Я чужая – вот мое преимущество. Решено – мне надо бежать и раздобыть хотя бы немного денег.

То, что я задумала, сопряжено было с риском. Даже с риском того, что кто-то войдет и увидит, чем я занята, а занялась я тем, что осматривала шмотки в поисках того, что я смогу унести незаметно. Воровство? Я не испытывала ни малейших угрызений совести. У тех, кто готов положить тебя на алтарь и вогнать нож в сердце, не постыдно украсть для того, чтобы на этот алтарь не лечь.

Я видела жемчуг на платье. Отлично, если я сложу это все в сундук, никто не заметит пропажи. Я откопала платье, всмотрелась в него, стиснула кулаки. Нет, не жемчуг, какая-то дрянь, я бы сказала, что пластик, только здесь никто не знал о существовании нефти. Но я продолжала копаться. Платья, платья, какие-то панталоны, я сунула руку и укололась обо что-то, закусив губу, чтобы не выругаться, пошарила еще и вытянула за брошь какой-то палантин.

Брошь я сняла. На вид она казалась мне драгоценной. Потом у меня что-то щелкнуло в голове, и я кинулась к шкафу-кровати. Что бы я там ни искала...

Есть! Кому принадлежал этот мешочек, я понятия не имела. Но там были деньги – не то золото, не то медь, непонятно, много или мало, какое-то дешевенькое кольцо.

У меня не было здесь друзей и вряд ли кто-то относился ко мне иначе, чем та жалостливая мадам. Розги и оплеухи, я покачала головой и навела ревизию в остальных кроватях.

Тот, кто сказал, что в любви и на войне все средства хороши, был очень неправ. Насчет войны я не сомневалась, но ради любви мне и голову не пришлось пошевелить хоть пальцем. Ради свободы и того, что мне предстояло?

В этих странных кроватях был целый мир. Возможно, животный тоже. Но я нашла что-то вроде молитвенника, несколько таких же, как и первый, мешочков. Много я брать не стала – так, чтобы никто не заметил. Как низко можно пасть, если хотеть выжить, и я подумала – а за что? Я осуждала девиц, гоняющихся за олигархами, но никогда не презирала тех, кто рылся в помойке в поисках старой одежды или алюминиевых банок.

Неужели мироздание вдруг решило, что мой самый ужасный грех – ненависть к сестрам по полу, предпочитающим сыто сидеть за сериалами, а не стоящим у станков и операционных столов? Мироздание определенно было женщиной с внешностью инстаграмной модели.

Я постоянно слушала, не идет ли кто. Мне везло. Шаги звучали, но мимо, дверь не открывалась, и пока обо мне не вспомнили, нужно было спешить.

Я сложила все чужие вещи как было. Ноги уже начинали болеть, и по старой памяти я решила – я потерплю, главное сейчас совершенно не это. Мне нужно было во что-то одеться, теплое и не слишком заметное. И это что-то я нашла брошенным на какой-то низкий столик, грубая накидка, похоже, непродуваемая, и, может быть, даже моя. Ношенная, но когда-то весьма

дорогая, и я сделала вывод, что здесь в порядке вещей донашивать за другими. Неудивительно – вся одежда ручного производства, даже белье. Все украденное я сложила в мешочек, и по хорошему надо было как в девяностые – рассовать все по одежде, так, чтобы не потерять разом все, но времени не было.

Наконец я приоткрыла дверь. Темнело, за окном поднималась метель, и это было безумно скверно, но медлить мне было никак нельзя. Добраться хотя бы до той деревни, которую я видела, она недалеко и сложностей у меня никаких не возникнет, не должно, а там я договорюсь, чтобы меня увезли в город. Что там? Служанка нужна в любой дом. Та, которая не боится работы. Та, которой плевать на чужих мужей. Та, которая даст совет, который сработает. Можно разлюбить, можно предать, можно продать, но никто никогда не избавится от человека, который приносит прибыль.

Замок. Мне представлялось – как в кино: рыцарские доспехи, яркий свет, тепло... это не Винтерфелл. Не Лувр, который снимали где-то в Петродворце. Каждый мой шаг гулко грохал и отдавался эхом-вздохом, изо рта, кажется, вырывался пар. И никого, совсем никого, даже голоса я не слышала, но хотя я знала, что людей здесь было много, вероятно, они все сидели где-то в другом месте. Грелись друг о друга, как туристы, промочившие последний коробок спичек. Я спокойно дошла до выхода, и мне попался только какой-то спящий на полатах мужик.

На улице выюжило. Колючий ветер поднимал свежий снег, кружил его и швырял в лицо, и это было неприятно. Я прикидывала, сколько мне нужно пройти до деревни, и сознавала, что я замерзну, меня уже начинало знобить. И выхода два – сдохнуть или привыкнуть. Здесь нет ни высокотехнологичных тканей, ни легких и сохраняющих тепло наполнителей, все, что имеется – собственное тело и рыбий мех. Если бы я согрелась в доме, было бы не так страшно, но надо было терпеть.

Ноги начинало резать болью. На правой ноге я уже ощущала волдырь, пусть я прошла всего ничего, но туфли сделал изувер, ненавидящий человечество. Можно было бы попытаться поменять эти проклятые кандалы местами, но они были одинаковыми. Кто в здравом уме будет носить обувь в чужой крови?

Телу я тоже не могла порадоваться. Да, молодая девица, полно сил и практически нет жира, и откуда ему взяться, когда она все время в делах, но абсолютно не тренирована. Спорт для меня был основным после работы и правильного питания, здесь же я понимала: ни спорта, ни еды. Здоровая пища только в представлении незрелых умов то, что собрано с огорода, на самом деле это баланс, и майонез можно собрать с огорода и из курятника, но как скоро – прощай, талия?

Пока меня никто не хватился и не окликнул. Я куталась в накидку, проклиная исторические фильмы и сериалы. Если это мое подсознание, оно могло бы представить себе больший комфорт. Но если это – мое наказание, рассмеялась я про себя. Глупо, но как объяснить тот факт, что все настолько реалистично? Ни один сон не бывает настолько последователен. Возможно, сон, вызванный анестезией, тоже. Кома? Все может быть. Я все еще сопротивлялась, хотя ноги и тело орали – это не сон и не больница, если ты, дорогая, только не в морге, там так же холодно, как и здесь.

Ветер становился все злее, мороз крепчал, ноги горели как в огне, но я убеждала себя, что мне кажется. Я так привыкла: тяжело? Нет, мышцы слабые. Тянет в сон? Это лень, на самом деле не хочется что-то делать. Неохота вставать? Тем более лень, пяти часов сна здоровому человеку достаточно. И когда я смогла себе позволить и персонал, и восьмичасовой сон, не смогла отказаться от старого «надо», «надо» сделало меня тем, кем я была, так что это за испытание – смогу ли я еще раз?

Бесспорно, да. Я смогу. Надо идти – дальше будет немножечко легче. Так было всегда и на этот раз будет тоже. Вот уже и ноги озябли так, что я почти не чувствую боли, во всем надо находить свои плюсы.

Появилась деревня. Сонная, еле видная в мельтешащем снегу. Я шла и шла, упрямо смотря вперед и вспоминая детские считалочки на английском. Знала его я плохо, и это отвлекало от рези в ногах и холода, не дававшего толком дышать.

Я наконец толкнула тяжелую дверь кабака. Никто не обратил на меня никакого внимания – повернулась пара голов и все. Может, Мариза была тут нередкой гостьей, а может, всем было на меня наплевать. К лучшему, решила я. Деревянные столы, никуда не годное освещение, занятые друг другом мужики, прогорклая и прокисшая вонь. И как я поняла, вонять будет теперь повсеместно.

Хозяйка – толстая, неухоженная и молодая – что это время творит с людьми? – повернулась ко мне, и я пошла к стойке, уже не в силах сдержать текущих из глаз слез. Холод спасал меня от острой боли в ногах, а в трактире было тепло, и я первый раз в жизни прокляла то, что всегда считала комфортным.

– Мне нужно в город, – сказала я, подходя к стойке вплотную, надеясь, что просьба не вызовет смех. Я не знала, имею ли я право хотя бы на такие желания. – Отец просил меня приехать.

Возле стойки стоял деревянный стул, и я села, уже не думая, могу, не могу, имею право или же не имею. Я даже не думала, что потом просто не встану.

– Отец? – нахмурилась хозяйка. – Так господин граф же в замке. Лет десять уже никуда не выезжал.

Если бы я не сидела, пол уплыл бы у меня из-под ног. Я что-то неправильно поняла, сделала слишком поспешные выводы.

– Да какой он мне отец, – в сердцах выпалила я, надеясь, что вышло с достаточной обидой. – Я про крестного матушки. Вот его я считаю отцом.

– Полно, Мариза, – покачала головой хозяйка. – Господин граф, конечно, из тех, кто ни одной юбки не пропускал, как только терпит госпожа графиня, но никого из прижитых детей не оставил. Сюзанну вон выдал замуж за старика Полье, Гастона отправил в армию – жаль, так и сгинул парнишка, тебя вон выучили, манерам научили.

Я покивала с недоброй улыбкой. Невероятно заботливый отец, нельзя не согласиться. Дочь выдал за старика, сына угробил, меня подготовили на роль придворной доступной девки.

– Так к отцу все равно мне надо.

– Ну, Каспар завтра собирался в город, спроси его. Много он с тебя не возьмет, все же сестра.

Глава пятая

Я изо всех сил закусила губу. И этот Каспар тоже прижитый сын. Все село, наверное, братья-сестры, а как на домогательства графа реагировали женщины?

– Как мне его найти?

– Вон он, поговори, пока он говорить в состоянии...

Я посмотрела туда, куда указывала мне хозяйка. Молодой еще в принципе парень, но уже какой-то пропитый, потасканный. Графский сын, как и я, вот это ирония, и в отличие от хозяйки я понимала, что речь ему, может быть, еще и дается, но вспомнит ли он что-то наутро?

Но у меня созрела идея.

Да, я не умею ездить на лошади – полезный навык, пригодился бы, но меня никогда не тянуло. Управлять лошадьми я не умела тоже, но зато по опыту работы на рынке я помнила, что такое нетрезвый человек. Этим я собиралась воспользоваться.

Встать было не просто тяжело – сродни пытке. Бандитам из девяностых с легкой руки прессы и писателей что только ни приписали, но полно, эти люди были умны, кто был глуп, не жил дольше двух месяцев. Заставь должника разносить обувь, и он перепишет на тебя не только квартиру, но и органы собственной жены.

– Каспар? – я подошла, борясь с брезгливостью и адской болью, и села рядом. – Каспар, это я, Мариза.

– М-м-м, – он растянул в улыбке бледные губы. Взгляд его был практически пустой.

– Мне в город надо. Возьмешь меня завтра?

Ответом мне было что-то, связанное с ценой за услугу. Выражение лица человека, говорящего о деньгах, я тоже прекрасно знала. Отлично, и я сделала вид, что что-то опускаю ему в карман. Каспар вяло реагировал на происходящее, а за мной наблюдали – в этом я не сомневалась ни секунды.

Потом я спросила у хозяйки, где мне переночевать, и она указала мне наверх. Я кивнула и хотела было уйти, но хозяйка что-то ждала – денег хочет, жадная тварь! Я мысленно зашипела, но отдала ей пару монет.

– Мало, – покачала головой она. – Ты же счету обучена.

– В подол зашила, – наклонившись к ней, тихо пояснила я. – Отпорю – дам утром.

– Ну, не забудь только, – покивала хозяйка и утратила ко мне интерес.

Мне было больно. Тепло, я согревалась, пусть не могла из-за боли нормально насладиться теплом. Но больно. Актрисе, которая собиралась играть Русалочку, я посоветовала бы разносить чью-то обувь...

Я поднялась наверх. Тут было холоднее, темнее, зато воняло не так ощутимо. В комнату я заходить и не думала – и не знала куда, и меня интересовало, что происходит внизу. Метель, снег, но, возможно, мне повезет и я смогу найти кого-то, кто направляется если не в город, то всяко подальше отсюда. Мне нужно сесть, иначе я не дойду. В прямом смысле этого слова.

Окошко было грязным, мутным, нельзя было разобрать, что творится внизу. Казалось, кто-то ходил, разговаривал, ржала лошадь, но уезжал ли тот человек или только приехал?

В коридоре было почти темно, я надеялась, что сливаюсь с интерьером, что меня не видно, а если и видно, то ничего предосудительного в том, что я тут стою. Но постояльцы, кое-как поднимавшиеся на второй этаж, были сильно нетрезвые и я волновала их мало. Кто-то внизу начал бить посуду.

Я подозревала, что запасного хода нет и мне так или иначе придется проходить через зал с отвратительными пьяными мордами. Плохо было то, что меня – Маризу – многие знали. Еще хуже – что вряд ли тут остановилась еще одна девушка моего роста, и если я спущусь,

меня заметят. А мне нужно было исчезнуть так, чтобы никто не понял, куда я делась. Если мне повезет – тут рассчитывать приходилось только на слепое везение.

Впрочем, оно выручало меня не раз. Казалось, что все уже полностью сгинуло и ничего, совсем ничего не вернуть, но каждый раз я выкручивалась. Сама ли или с помощью высших сил? До того, как меня закинуло в это тело, я только рассмеялась бы, вопросов нет, сейчас меня грыз червячок сомнений. И сомнения были некстати – что если я напрасно полагалась на свой острый ум?

Как сделать так, чтобы на меня не обратили внимание? Отвлечь их на что-то еще. Но что можно сделать? Устроить пожар? Слишком... сложно. И слишком жестоко. Никто из этих людей пока не сделал мне ничего плохого, кроме того, могут быть животные и дети, а я сомневалась, что в этом мире кто-то кинется их спасать. Нет. Нужно искать варианты.

Драка прекратилась. Может, разняли, а может, все закончилось поножовщиной и летальным исходом. Но к окну я прильнула вовремя: кто-то совершенно точно вышел в ночь и крикнул кого-то из прислуги.

Кто это был и на чем он собирался уезжать, я не знала, но медлить было опаснее, чем рисковать пробегать через зал. Если там суматоха и все так же темно, могу проскочить, но не факт, что удастся договориться с тем, кто собрался уезжать.

Мне бы сбросить туфли, но я понимала – или я терплю боль, или получаю заражение крови. Я его получу с гарантией. И я приказала себе: не думать, а если подумаешь, то терпеть. Через кровь дается свобода – или как было правильно?

Я успела дохромать до лестницы, но застыла. Стоит ли пытаться удрать сейчас, под покровом ночи, с одной стороны – больше шансов, что меня потеряют из вида, с другой – я могу никуда не доехать. Я опасалась тварей, которые рыскали над лесом. Не знаю, кто это, не знаю, насколько они агрессивны. И человека я опасалась: покажу кому-то, что у меня есть, и останусь под кустом ограбленная и возможно что неживая. Не такие несметные у меня богатства, но это мне кажется, чего они стоят здесь, я не знаю.

Или есть идея получше? Не бежать, а спрятаться где-то, и выйти ближе к утру, да, ждать будет холодно, но если кто-то поедет в город, это будет, скорее всего, на рассвете, и на рассвете же все уймется и разбредется по комнатам, а кто-то заснет прямо внизу.

– Эй, ты! Иди-ка сюда!

Голос принадлежал очень нетрезвому человеку. Я скривилась, но не испугалась. Отбиваться меня научили еще тогда же, в девяностые. Не каждой «крыше» было по душе хамское поведение отдельных личностей, а мне с «крышей» очень повезло.

– Иди, иди, чего застыла, денег дам!

Я все-таки обернулась. Парень – или мужчина, кто разберет их тут, в такой одежде, стоял в дверном проеме, покачиваясь, и было понятно, что не до женщин ему. Умудриться так напиться – чем? Чем они так напиваются? Явно не водкой. Спиртом?

– Вам чего, господин? – спросила я, надеясь, что выбрала и слова, и интонацию правильно. – Я так-то при хозяине тут. Послал узнать, что там.

Парень переваривал мои слова. На вид интересный, только отвратительно пьян.

– Так... денег-то что, не хочешь?

– Так хозяин побьет, – прикинулась я сокрушенной. Мол, очень хочу, но неохота быть поротой. Страдальческое лицо вышло правдоподобно. – Я сейчас вниз схожу, а потом заснет хозяин, приду.

Может, на трезвую голову парень соображал лучше, но у меня возникла идея. И она должна была сработать.

Не дожидаясь, пока он еще что-нибудь скажет, я пошла вниз. Масштабы драки я себе нарисовала побольше, оказалось, не настолько все страшно. Кружки на полу, опрокинутые лавки, лужи, но все же не крови.

– Доктор тут есть? – громко спросила я. – Там господин не дышит.

Хозяйка среагировала сразу. Она поставила на стойку грубый кувшин, швырнула грязную тряпку, обернулась ко мне.

– Какой господин?

– Не знаю. Он меня позвал, а сам упал и не дышит.

– Вот дурная, – возмутилась хозяйка. – Мариза, вроде бы неглупая девка, а уже под господ лезешь? Хотя с твоей-то матерью что от тебя ждать? Кабы не одно лицо с графскими дочерьми, кто бы тебя еще признал?

В отличие от хозяйки все, кто еще стоял на ногах, заинтересовались. Я сомневалась, что среди них был доктор, среди этой толпы с мутными глазами, но наверх побежали все, кто был физически в состоянии. Я рассчитала верно: люди во все времена любопытны без меры, и если в моем прежнем мире они доставали смартфоны, не полагаясь на память, то в этом дремучем веке им хватало событий и, соответственно, поводов для пересудов.

Я напряглась – пойдет ли хозяйка следом, но снова не ошиблась: раз господин, значит, всей этой ораве есть чем поживиться, а ей было совсем ни к чему наутро выслушивать, что у него что-то пропало.

Я осталась одна, если не считать храпящих пьяных и какого-то мужика с разбитым лицом.

Улица встретила меня ледяным ветром, но после жара трактира мне было не холодно. Я понимала, что поначалу, что надолго меня не хватит, и, с трудом передвигая ноги, пошла туда, откуда слышалось лошадиное ржание.

Пустая конюшня – если исключить лошадей и конюха. Никого, или мне показалось, или кто-то не собирался никуда уезжать, или уже уехал. Я прислонилась к стене, чувствуя усталость и опустошенность, и какая-то лошадь потянулась ко мне через стойло.

– Уйди, – отмахнулась я. Лошадь фыркнула. Я смотрела на нее – нет, она не даст никаких подсказок. Больше я не смогу предпринять ничего, по крайней мере, сейчас, я даже вряд ли дойду до замка. Идея была изначально не столько глупая, сколько безрассудная, и кидаться так, очертя голову, в неизвестность мне больше нельзя.

В конюшне было не так натоплено, как в трактире, но не настолько холодно, как снаружи. Я нашла какое-то место – то ли лавка, то ли сундук, в полутьме было не разобрать, и уселась на него, сбросила туфли, а потом и легла. Смотреть, на что похожи мои ноги, я не стала. Лечить их нечем. Сон взял измором, я не заметила, как уснула, и проснулась оттого, что меня кто-то тряс за плечо.

– Мариза? – я открыла глаза, тут же зажмурившись от яркого света, и успела сделать один вывод: меня тут знает слишком много людей. – Ты что тут?

Конюх, тот самый, что прикорнул неподалеку. И в голосе его не было ничего, кроме излишнего любопытства. Этот человек меня знал – то тело, в котором я находилась.

– Там господин меня к себе требовал, – моментально придумала я отговорку. – Вот я и ушла. Я не такая.

– А что ты сюда пришла? Из замка? Там что?

Я села. Голова была невероятно тяжелая и болела, все плыло перед глазами, и тело не подчинялось. Из-за неудобной одежды, поняла я, в ней ни в коем случае нельзя спать. И ноги горели так, что я как-то слишком уж отстраненно отметила – кажется, я все-таки занесла инфекцию, и теперь мне конец.

И конюху я не отвечала. Знает ли он, что я сказала хозяйке? Нет, тогда бы не спрашивал.

– Господин граф меня хочет отправить, – натурально всхлипнула я, рассчитывая на свои актерские таланты и не конкретизируя, куда и зачем, – а я не хочу. Я в монастырь хочу.

Я не сказала бы, что у меня получалось играть глупую барышню. Я не знала, какой была эта Мариза, потому что уже поняла: отношение к ней окружающих исключительно как к прислуге и не говорит о ее уме ничего. То, что она согласилась поехать ко двору, было не в ее

пользу – и все же. Тем более никогда раньше я не строила из себя бледную немочь. Кисейную барышню. Смысла нет, никто не станет иметь с такой дел, в бизнесе легко понять, стоит ли сотрудничать с кем-то: если ему важен твой пол – нет, не стоит. В бизнесе есть только выгода, и хоть орк престарелый ее тебе принесет.

– В монастырь, – понимающе покивал конюх. – Молодая, красивая, зачем тебе в монастырь?

Потому и хочу, хотелось рассмеяться мне, что молодая и красивая. Потому что только два варианта – либо труд с утра до ночи без забот, либо все остальное. Что говорила эта чванливая дрянь Адриана?

– Хочу служить господу нашему, помогать сирым. – Какое у меня при этом было выражение лица? Конюх смотрел с удивлением. – Трудиться хочу.

Я понимала, что несу суший бред и он мне не верит. Как держать себя там, где на тебя смотрят как на подай-принеси в лучшем случае, в худшем – как на куклу для известных утех и производства потомства? И это не я – Мариза, а женщина – вообще.

– Трудиться... кроме платьев хозяйских и причесок, что ты умеешь? – он засмеялся, я закусила губу. Надо сворачивать разговор, пока меня не отволокли за руку в замок. Не сейчас, так с утра. – Если бы умела, я бы тебя хоть к кузнецу отвез.

Глава шестая

Я приказала себе оставаться на месте. Вскочить и показать свое отношение к подобной мерзости я успею всегда. С другой стороны...

– У него родами жена померла, осталось трое сирот, за домом смотреть некому.

– Я согласна, – выпалила я. – Где он живет? Я все умею. Готовить, за детьми смотреть.

Если и было возможно выразить больше сомнений, то конюху это удалось с лихвой. Я лгала, но кто этому не учился за какие-то пару дней.

– Далеко, в столице, но...

– Я согласна. Я хочу... – Да, как я сказала? – Заботиться о сирых. Это богоугодно.

И намного спокойнее, чем королевский двор. Хуже, чем монастырь, и домогательств не избежать, но с кузнецом мы хотя бы какая-то ровня. Мне будет проще, я все решу, если только этот старик не передумает.

– Ну смотри. – Конюх пожал плечами. – Платить он много не будет, а принесешь в подоле – выкинет вон вместе с тем, что принесешь. Но набожный, честный. Знаю, что говорю, моя Жюли у него работала, пока замуж не вышла, а после нее-то девицу он с приплодом выгнал.

Мне нужно было уточнить все до конца.

– Своего младенца и выгнал? И это набожный?

– Дурная девка, почему своего? – конюх от возмущения даже запыхтел. Но я не принимала это на веру, только в расчет. Держаться подальше от всего, что может ухудшить качество моей жизни, и без того невеликое. – Я через неделю поеду в столицу, если отпустят тебя...

– Отпустят, – заверила я. – Или... не надо никому говорить. Я ведь могу уехать, мое право.

– Ишь, – засмеялся конюх. – Ты грамотная разве? Вроде бы только считать умеешь и то плохо. А говоришь, как начиталась книг этого прохвоста. Вот это совсем не богоугодно, считай...

Мы с ним не договорились. Конюх, чьего имени я так и не узнала, встал, отошел обратно к своей лежанке, укрылся чем-то похожим на старый тулуп и вскоре захрапел. Я уснуть уже не могла, сидела и думала.

Пытаться с ним спорить было бессмысленно. Может, он знал эту Марицу плохо, может, не придавал никакого значения ее изменившемуся поведению, и это не значило, что мне повезет так со всеми, кого я встречу. Непонятный мир, неудобная одежда, твари, летающие над лесом, неизвестно, как себя с кем вести.

Неизвестно, как мне быть дальше. Вернуться в замок, пока не хватились? Попытаться все же бежать?

Проснувшись я от нелепого, но очень естественного желания, и никуда от него было не деться. И не возникло вопроса, где я и кто я. Память работала бесперебойно. Было еще темно, и вьюга еще еще подвывала, я встала со своего лежака, едва сама не взыв. Все тело затекло до потери чувствительности и изнуряющей боли. Ноги... я нашла себе силы на них взглянуть и поняла, что Марице было подобное не впервой. И это обрадовало: она должна справиться и на этот раз. Мне даже в туфли удалось влезть почти без проблем, вот она где, закладка служанки...

Отыскать сортир оказалось не так просто, и я уже хотела было просто найти какой-нибудь не слишком людный уголок, когда увидела небольшой неприметный домик, в котором нужно и обнаружилось. Ну... туалет как туалет – видала я и хуже. Вспомнить привокзальные сортиры в каком-нибудь Подольске... и ведь это был не худший вариант. Кусты или просто обочина разбитой дороги, автобус и водитель, который ушел справлять нужду на противоположную сторону.

Проблема была в другом. Я как-то до этого момента не исследовала, что на мне надето – а оно оказалось довольно многослойным. Зато без трусов... и вообще какого бы то ни было белья. В каком-то смысле это было даже и удобно – но что я буду делать, когда мое тело начнет избавляться от ненужной яйцеклетки? Нет, серьезно, тряпки я найду, но куда их крепить? И как? Но ведь должна же быть какая-нибудь... технология.

Впрочем, вот прямо сейчас вопрос этот актуален не был, зато другой был.

Туалетная бумага.

Да! Обычная, простая туалетная бумага. Которой не было. И поняла я это, так сказать, постфактум. Да чтоб их...

Но деваться было некуда – подумав, я просто оторвала от одной из нижних юбок, коих оказалось две, полоску ткани. А что делать? А главное – что с этим делают вообще? Решают же проблему как-то.

И не спросишь.

Я мрачно вышла и, зачерпнув немного чистого снега, «помыла» руки. Скверно... конечно, может, это тело и привыкло к подобной антисанитарии – а если нет?

Неудобства, голод, вот обратная сторона той красоты, на которую в моем мире тратили огромные деньги. Реконструкторы, странный народ, из них часть не знает, куда деньги девать, часть делает все своими руками, самые ненормальные берут на это кредиты. Я была в доле в таком магазине, правда, недолго – забрала деньги, когда поняла, что прогорит этот бизнес скорее, чем мы сможем его окупить. Размерная сетка – беспощадная вещь, тридцать тысяч – купить, пять – прокат на сутки и плюс залог, желающих исчезающе мало...

Прежде чем создавать иллюзию, познай истину.

Впрочем, все это философия, которой я могу заняться позже. Сейчас же я хотела есть, а подходить к хозяйке было рискованно. Я не имела понятия, сколько денег могу заработать. Но я ведь могу попробовать заработать?

– Может, я могу что-то сделать? – спросила я. Хозяйка пожала плечами, но, подумав, швырнула мне противную даже на вид тряпку.

– Протри столы, лавки, там вон с ночи осталось. Так не ототрешь, ведро возьми.

Никогда в жизни я не боялась труда и никогда не осуждала тех, кто честно зарабатывает себе на хлеб. Неважно, каким путем – убирая общественный туалет или снимая видео про косметику. Находятся те, кто готов за это платить? Нет вопросов. Но никогда в жизни я не подозревала, что тяжелее тюков с уродливой одеждой из дешевой синтетики.

Я говорила себе: это работа. И старалась не смотреть, что именно за пятно я оттираю. Это делают уборщицы и санитарки, я ничем не лучше их, разве что умнее и успешнее. Но где теперь мой ум и успех? И на секунду я даже подумала, не лучше ли мне согласиться на королевский двор?

Нет, не лучше. Это сейчас, когда я пытаюсь оттереть отвратительные следы со скамейки и пола, мне кажется, что альтернатива не хуже. Очень скоро я изменю свое мнение, когда окажется, что я завишу не только от честности того, кто мне платит, но и от умения врача. Я макала тряпку, которой мало что могло помочь, в омерзительную уже воду, выжимала ее, оттирала грязь снова. Тело болело – эта девица не привыкла к такому труду, и руки ломило от ледяной воды. Но хотя бы ноги немного отошли от вчерашней пытки.

– Ну, расстаралась, – услышала я голос хозяйки. – Сегодня же снова так же будет. Иди-ка поешь. Что, к отцу передумала ехать?

Я не успела сообразить, что ответить, как она продолжила:

– Оно и правильно, снегопад, зверье попряталось, так и не доедешь еще, сожрут, – непонятно сказала она, и я отнесла ее предупреждение на счет тех странных тварей. – Иди ешь.

Стакан теплого молока и половина краюхи хлеба. Я приказала себе не думать, в чем измазаны мои руки, но увидела в углу рукомойник. Моему счастью не было предела – хоть

немного гигиены, и меня тянуло переодеться, принять ванну, расчесать волосы. Не здесь, но в замке. Дойду ли я до него?

Трактир просыпался. Мне нужно было спешить. Хлопнула дверь, кто-то явился, еще немного – и времени у меня совсем не останется.

Я отставила кружку, подняла голову и встретила взглядом с молодым мужчиной. Он стоял возле двери, растерянно оглядываясь, словно впервые в жизни очутился в такой помойке, и я сочувственно улыбнулась. Или скрыла под сочувствием некоторую издевку: местная одежда уродовала людей, и если женщины еще смотрелись в обезображивающих тела платьях, то мужчин придурь законодателей моды не пощадила. Что есть слово «красота»? Сегодня монобровь, завтра ниточка. Сегодня плоский зад, завтра гусиная попа. Сегодня – там, в моем мире – тоже ходили небритые мужики, покрашенные немного, только вместо колготок на них были джинсы. А я не права – в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Но если бы с мужинки снять сияющее убожество, постричь, вытащить на склон, поставить на лыжи или хотя бы усадить за столик уличного кафе – если бы, тогда я могла бы задуматься о том, что считалось «вечным» – семья, любовь, какие-то отношения, выходящие за рамки не обязывающих встреч и деловых. С поправками на то, что совместная жизнь не со смазливой мордашкой. Хозяйка занялась важным гостем, а я выскользнула за дверь.

Мне предстояло вернуться в замок, и я с опаской косилась на небо. Оно светлело, метель ослабела, мороз тоже спал, а я сказала себе – понемногу спорта, и, подобрав кошмарную юбку, нарушив все рекомендации тренеров разом, потрусила к замку. Холод полностью убрал боль, а может, туфли уже разносились достаточно. Кому бы они ни принадлежали – я мысленно желала их хозяйке долгой жизни и носить эти туфли до конца ее дней.

Меня никто не видел, а если и видел, то я мало кому была интересна. Больше всего я опасалась сейчас не людей, а того, кто мог спикировать на меня сверху, но как я ни озиралась, ничего не увидела. В замке местами горели огни, и я не могла сказать – спит он или уже давно бодрствует, но во дворе уже стояла карета, запряженная двумя крепкими лошадьми.

– Вон она, вот же девка гулящая! – услышала я чье-то ворчание, но даже не оглянулась. Мне все равно ничего не сказало бы лицо этого человека, кем бы он ни был. – Но что ждать с такой-то матерью?

– Марица! – вот это кричали уже мне, и пришлось обернуться. – Переоденься, позорница! Переоденься, ехать пора!

Глава седьмая

Я застыла, но не дольше, чем на пару секунд. Принимать решение надо было мгновенно. Мне никто не сказал, когда мой отъезд, сегодня, значит, сегодня, и даже если бы я осталась в деревне – не факт, что меня бы там не нашли. Мое тело, очевидно, не отличалось кротким нравом, девица была неосмотрительна и глупа. Больше, чем необходимость куда-то ехать прямо сейчас, меня поразила мысль, что Мариза уже может нагулять себе в деревне проблем.

Где-то там, наверху, меня решили наказать за какие-то прегрешения.

– Что застыла, вот дура-девка! Иди переодевайся, кому сказал?

Может, кучер или кто-то еще. Я, стараясь не переходить на бег, к тому же меня немного вымотала дорога от деревни до замка, зашла внутрь и по памяти, какой-никакой, пошла к себе в комнату.

Знать бы еще, во что переодеться... Впрочем, эта проблема разрешилась просто: нужная одежда лежала на моей постели – дверцы этого шкафа были распахнуты. Я подошла и в некотором обалдении уставилась на грудку тряпок. Хотела бы я знать, как это надевать! Да ладно «как» – хотя бы в каком порядке!

Юбки. Еще юбки. Рубашка. Что-то вроде жилетки. И куртки, но короткой, и сшитой из того же материала, что и одна из юбок. Сомнений не вызывали лишь чулки и плащ... и, да, корсет. Который... и как, хотела бы я знать, его надеть? Раз он затягивается сзади?

А еще куда-то нужно было спрятать то, что я, так скажем, собрала себе в дорогу. Я уже успела обнаружить, что в здешней одежде нет карманов, но ведь как-то же они с собою носят... что-то? Хоть носовой платок или ту же туалетную бумагу, или что там ее заменяет. Может, здесь есть сумки? Ведь должны быть?

– Мариза! – я почти подпрыгнула, услышав этот голос. Никакого мне уединения... Я торопливо сунула свой сверток под подушку. – Ну что ты стоишь? Раздевайся!

Давешняя женщина... как ее зовут, хотела бы я знать, или нет, мне безразлично – махнула мне рукой, и я послушно начала стягивать с себя платье.

– Ох, ну что же ты... дай-ка я, – сказала она нетерпеливо и принялась меня, словно ребенка, раздевать. Смешно, конечно, но сейчас это было ужасно кстати.

Наконец общими усилиями мы меня раздели, и я даже умудрялась не дрожать, когда эта милейшая, в общем-то, женщина ткнула пальцем в длинную, похожую на ночнушку, рубашку, и мы с ней начали процесс обратный.

Потом она взяла корсет – тот зацепился за подушку, она сдвинулась, и я увидела край показавшегося из-под нее моего свертка.

Я испугалась. Не пощечин, а того, что она могла понять, что я что-то спрятала, и поднять шум. Лишиться средств мне не хотелось, оборонять их было нечем. Но женщина или ничего не заметила, или уверенно сделала вид.

Она помогла мне затянуть корсет. В той жизни моя фигура была далека от журнального идеала, но кого это волновало, когда я носила на ней футболки стоимостью в среднюю зарплату по стране. Тело Маризы было красивым. Не то чтобы я с радостью обменяла бы свою крепкую костистую тушку на грудь третьего размера, тонкую талию и широкие бедра, но – красивым по мнению людей. И теперь эта талия была беспощадно сдавлена, грудь засунута в подобие деревяшки, и ходить нормально в этих килограммах было нельзя никак. Я ощутила себя на месте беременной двойней женщины – адская тяжесть. Но зато на ногах у меня были отлично разношенные туфли – будем видеть плюсы там, где их, может, и нет, усмехнулась я. И не будем думать о куче болезней, с которыми я могу добраться до столицы и там благополучно скончаться у королевских ступней.

– Поправь! – велела женщина, и, поскольку я словно баран глядела на нее, сама весьма бесцеремонно схватила меня за грудь и приподняла ее немного. Не скажу, что мне стало удобнее, скорее даже наоборот – но кто меня спрашивал?

За корсетом последовала вторая юбка, потом – что-то вроде плотного пояса, и наконец плотная тяжелая юбка. Верхняя, из шерсти. Затем на меня надели такую же плотную шерстяную куртку, которая вместе с юбкой должна была, как мне представлялось, казаться платьем.

И накидка. Тяжелая ужасно – то ли в несколько слоев ткани, то ли прослоенная чем-то вроде... ватина тут, конечно, нет, но, может, есть какой аналог?

– Прощай, детка, – вдруг невероятно тепло сказала мне женщина, имени которой я даже не знала. – Я была к тебе строга и часто несправедлива, но я ведь желала тебе только добра.

Я не стала скрывать сарказма. Да, мы знаем такое добро. Лучше выстрел в упор, чем ваши благодеяния.

– Иди, Адриана де Аллеран.

Никто больше со мной не прощался. Меня не просто отправили с глаз долой, то есть – сунули под придворных, а избавились и были этому рады. Позади кареты закрепили сундук, какая-то дебилая тетка пихнула мне в руки увесистый мешочек, меня саму толкнула в карету, и я была бы в полном отчаянии, если бы не понимала – мне лишь добраться до крупного города. Теперь у меня было не только то, что я успела украсть, но и законно полученные деньги.

Так даже проще, думала я. Они сами сделают за меня больше половины того, что пришлось бы делать мне. Довезут до места, где мне будет проще начать новую жизнь, кроме того, я смогу осмотреться.

Приподнятая господским платьем грудь пригодилась. Мешочек поместился как раз туда, куда нужно, и это был единственный плюс ужасной одежды. Я старалась не замечать, как у меня начинает чесаться все тело, и уверяла себя, что это всего лишь нервы, и в принципе это пока работало.

Карета была катастрофически неудобной. Ее постоянно трясло, как древний поселковый автобус, она подпрыгивала и переваливалась по свежему снегу – почему она была не на полозьях, я понятия не имела – она ужасно дребезжала, ее продувало, и атласная обивка стен выглядела какой-то насмешкой. Я думала, как тяжело лошадям пробираться по снегу, и еще думала, едет ли кто со мной кроме этого кучера.

С одним человеком справиться проще, чем с двумя.

Я откинула бархатную занавеску. Смотреть было не на что – лес, серые остовы деревьев, ели устало повесили лапы под тяжестью снега. Карета тащилась по дороге, я была вынуждена держаться за сиденье, чтобы не елозить и не свалиться, и меня начинало знобить.

Я поерзала. Потом мне пришло в голову, что если я усядусь на сиденье с ногами, то смогу упереться в стену и даже поспать. Ночь у меня выдалась скверная, благо что не снились кошмары, и я даже могла бы кого-то за это поблагодарить.

За несколько роковых секунд из свободной и обеспеченной женщины я превратилась в бесправное нечто. Я до сих пор не видела себя в зеркале, но знала одно – молодая, не особенно умная, не особенно жаждущая что-то менять, но не протестующая, когда за нее меняли другие. Возможно, другая моя современница на моем месте стала бы истерить, но степень отрицания явно не то, что могло мне помочь. Я ее перешагнула сразу через гнев, торг, депрессию, потому что только немедленное принятие помогло мне справиться и начать действовать.

Правда, был вариант, что эти стадии перепутаются, как нередко бывает, и тогда мне придется вдвойне непросто.

Мне все-таки удалось заснуть. Усталость взяла свое, и проснулась я от ржания лошадей и криков. Я выглянула в окно – карета ехала по старинному городу.

И подпрыгивала теперь еще сильнее и мельче.

И да, стало ясно, почему колеса, а не полозья. Здесь, неизвестно как далеко от замка, снега практически не было, только месиво. И вонь. Беспощадная, вторая по степени жестокости попытка после обуви. Смесь свалки и сортира.

Узкие улочки, коричневые дома, стоящие так близко, что вряд ли могла разъехаться пара карет. Туристические красоты были не про это место – хотя, подумала я, если это какое-то прошлое, все может быть, и сейчас в параллельной реальности на том месте, где еду я, стоит моя копия из прежнего мира, запечатлевая город на камеру. Очень шумно, очень мрачно, совсем не хочется останавливаться. И интересно, воняли ли так же когда-то те красивые туристические места?

Карета свернула куда-то, голоса пропали на какое-то время, а потом я оглохла от воплей. Мы въехали то ли на рыночную площадь, то ли на постоянный двор, и я уже нетерпеливо дергалась, мечтая выйти и немного размяться, как дверь кареты открылась, кучер недовольно посмотрел на меня, захлопнул дверь, я слышала, как он чем-то гремит за стенкой, и затем он опять открыл дверь и кинул мне еще одну накидку.

– А ну, прикройся пока и иди за мной.

Я послушалась. Усыпить бдительность и выяснить, что и как. Карета и в самом деле стояла на площади, и я не успела толком ничего рассмотреть: бойкая торговля, скоморохи, что-то вроде конюшни. Воняло то ли меньше, то ли я быстро привыкла, то ли восприятие адаптировалось под реалии: пахло лошадьми, мочой, еще какой-то дрянью, но хотя бы вдохнуть можно было спокойно, без рези в глазах. Кучер практически тащил меня, схватив за локоть, и вырываться было болезненно. Мы оказались внутри – в мрачном, воняющем горелым маслом зале с низкими потолками, потом меня поволокли наверх, втокнули в комнату, и я услышала, как в замке повернулся ключ.

Глава восьмая

Вероятно, то, что я вчера проявила с Адрианой строптивость, а может, и то, что я не ночевала, где мне положено, в шкафу, больше похожем на склеп, было причиной того, что меня взяли и заперли. Я сквозь зубы обругала кучера, подошла к окну. Глухая стена в паре метров, прямо под моим окном крыша – то ли пристройки, то ли соседнего здания, до нее метра два, прикинула я, и если я порву в лоскуты надоевшие юбки, смогу спуститься. Но куда я пойду потом? И что там, за стенами этого кабака, кроме вони и воплей? Один раз я уже пыталась сбежать абы куда, ничего толкового из этого не вышло.

Все было сложнее, чем представлялось. Я осмотрела комнатку: убогая, конечно, есть ночной горшок – хорошее решение! И снова нет бумаги! Что тут вместо бумаги – подол платья? – столик, стул, умывальник, свечка... Кровать, уже знакомый шкаф-гробик, полный дряни и блох, и не такой вычурный, как в замке. Горшок хотя бы пустой – я пнула его ногой под кровать, и он там зазвенел, ударившись обо что-то.

Свечка.

И окно. Стекло.

Наконец-то. Зеркала тут нет, конечно, но хоть так.

На улице уже порядком стемнело, и в оконном стекле я смогла рассмотреть лицо той, которая была мной отныне. Молодая, из достоинств – бесспорно, отличная кожа. Темные глаза, роскошные волосы, в остальном – безликое существо. Выражение лица наивное и глуповатое, но при всем при этом прослеживалось сходство с красавицей Адрианой и той юной девицей, которая учила меня кататься на лошади. Вот эти волосы и глаза, и нос, и губы, но – как ни прискорбно, разница между графиней и прижитой дочерью велика, и дело не в титуле, красоте или воспитании, а в характере. Я сейчас – работа визажиста средней руки, инстаграмная девочка, похожая словно клон на сто пятьдесят других инстаграмных девочек работы других визажистов средней руки.

Характер – мерзенький, притворно-постный, был у Адрианы, легкомысленно-эгоистичный – у младшей девочки. Мне же не досталось ничего, ни мерзости, ни эгоизма. Жизнь рисует нас настоящих, но Мариза не жила, а проживала отпущенный ей срок без особого энтузиазма, и отчего-то мне стало понятно, по какому принципу выбирали натурщиц художники этих древних веков. Не знатность, не красота, в них было что-то помимо безликого личика.

Я закрыла глаза и вспомнила себя настоящую. Вспомнила утро в своей квартире, солнце, гуляющее по крышам домов и беспощадным пламенем бьющее в окна, терпкий запах хорошего кофе, едва уловимый аромат селективных духов. Мне казалось – все так реально, все перекрыло этот средневековый ужас, я вздохну, открою глаза и расскажу потом, усмехаясь, какой мне приснился кошмар.

Но нет. Я открыла глаза и увидела в отражении разве что то же лицо, но иное. Другой взгляд, плотно сжатые губы, голова гордо вскинута. Да, это тоже я, и так в самом деле куда больше сходства с Адрианой... пожалуй, нет, вот так она проигрывала мне подчистую.

Загрохотал замок, дверь открылась, и незнакомый мужик в не слишком чистой одежде, буркнув что-то невнятное, поставил на стол что-то вроде глубокой глиняной миски и кувшин. И хотела бы я знать, как он нес еще и стакан, потому что ни подноса, ни третьей руки у него не наблюдалось. Мужик вышел и запер дверь, предусмотрительный, сволочь, но какая разница, а я подошла к столу. По крайней мере, еды было много, и в ней явно присутствовало мясо. И еще какие-то овощи, нарубленные крупными кусками.

Есть хотелось страшно, и я буквально набросилась на еду. Это было даже неплохо, только очень пресно и жирно. Возмутительно жирно! Куски мяса – по-моему, это была свинина или что-то очень на нее похожее – как минимум наполовину состояли из жира. Из овощей я опо-

знала... да ничего я не опознала. Не картошка, но какие-то корнеплоды, желтые, белые и фиолетовые. Но не свекла. Это фиолетовое больше напоминало морковь, хотя я бы не поручилась. Но сытно, и ладно, пусть мне не хватало обычной соли и еды немного поздоровее.

Пить тоже хотелось, однако в кувшине оказалась отнюдь не вода, как я понадеялась. Не самый приятный кислый запах, темный цвет, видимо, это все-таки было вино. Но, сказать честно, та бурда, что мы пили по юности, была лучше. Это же словно разбавили, может быть, даже наполовину, и получилась слабоалкогольная кисловатая водичка темно-красного цвета. Гадость! Я хотела уже было возмутиться, спуститься вниз и потребовать нормальной воды, потому что должны в моем новом статусе быть какие-то плюсы, а потом вспомнила давно прочитанную статью в каком-то бортовом журнале какой-то авиакомпании, почему в средние века пили так много вина или пива. Потому что эти болваны не научились кипятить воду – а в не кипяченой чего только ни бывает, и холера еще не самое страшное.

Придется пить... назовем это «вино». Дрянь та еще, но, кажется, алкоголя там не так уж и много. Я понадеялась, что это тело к нему привыкло.

Пока я ела, объявился все тот же мужик и приволок сундук. И – то ли он просто был рассеян, то ли ему приказали – но на этот раз он меня не закрыл.

Насытившись, я откинулась на стуле. Я чувствовала себя совершенно разбитой и очень уставшей, в желудке была неприятная тяжесть, больше всего на свете сейчас я хотела лечь спать, но здесь было холодно, слишком холодно для того, чтобы раздеваться. Но и спать в корсете было невозможно! А самой мне его не снять. Я подозревала, что кто-то должен прийти и помочь, ну ведь это же не лично моя проблема, и место должно быть не с самым дрянным сервисом, раз здесь ночует пусть фиктивная, но графиня. Здесь могло быть принято спать в корсете, и от этой мысли мне стало совсем нехорошо и живот так заныл, что я по-настоящему испугалась. Медицина здесь была ужасной, не хватало мне только заболеть. Еще и мутит... Да как снять этот чертов корсет?!

Появление служанки я восприняла просто как дар небес. Явилась она не с пустыми руками, а с небольшим железным ящиком, который держала за ручки толстыми тряпками. Жаровня! Я видела такие в фильмах, и быть может, эта деталь мира моего не отличалась от мира этого. Не пытаться же она меня собирается, в конце-то концов, а еще наконец-то меня освободят от этого деревянного ужаса.

Освободить меня, конечно, освободили, и это было прекрасно. В такие минуты я понимала, что дышать полной грудью – настоящее счастье, пусть рубашка и юбка на мне и остались. Служанка даже не стала их снимать – видимо, из-за температуры в помещении так делали все и ей было невдомек, что я, может быть, хочу как-то иначе. А вот следующая новость оказалась и хорошей, и плохой одновременно, и свои рефлексии по поводу оставшейся на мне одежды я моментально забыла. Гуляла Мариза до моего появления в ее голове или нет, но ее тело точно беременным не было. А вот с другой стороны... Впрочем, нет, была еще третья сторона: я, кажется, не отравилась. Что тоже прекрасно.

Оставался один вопрос. Как здесь справляются с ежемесячными гигиеническими проблемами? И справляются ли вообще? Но на мое счастье, служанка еще не успела уйти и биться в дверь мне не пришлось.

Я сосредоточилась, вспомнила надлежащее выражение лица для барышни, которую я изображала, и потребовала принести мне что-нибудь для решения данной проблемы. Кажется, у меня получилось довольно неплохо, удивления на лице служанки я не заметила. И добавила еще требование принести воды. Теплой.

Воду я получила. Не то чтобы теплую, но я решила считать ее таковой. Не то чтобы чистой, но я сказала себе – это лучшее, что у них есть. Вместе с водой служанка принесла мне нечто, что я и не знала, как обозвать. Трусы – не трусы, подвязки – не подвязки, но нечто среднее между трусами и подвязками. И тряпки. Не так плохо, решила я, кое-как натянув на

себя всю эту конструкцию. В конце концов, во времена моей юности мы носили что-то похожее, а привычная всем упаковочка синего цвета была подарком, сравнимым разве что с «Айфоном» во времена моей зрелости, и по полезности точно не уступала. Правда, «Айфон» сам по себе не падал, а смесь трусов с подвязками держалась на талии не слишком надежно. Что будет, если я ее уроню?

Служанка ушла, тоже не заперев дверь, а я так и не смогла заставить себя лечь в кровать-гробик, несмотря на то, что грела жаровня и в комнате стало немного – совсем немного, но теплее. Дело было не в гробике, а в том, что у меня и так уже начинало чесаться тело. И голова, и это было ужасно. Я говорила себе, что это психосоматика, что надо просто отвлечься и перетерпеть, но терпеть было сложно из-за неудобной позы: жесткий деревянный стул ни в каком веке не предназначен для сна. Даже сидения автобуса и плацкарт нельзя было сравнивать, или я просто отвыкла?

Я вертелась, хныкала, мне было физически нехорошо и даже на глаза навернулись слезы. От усталости, решила я, и все-таки запоздалый стресс. Плюс то, что мне неудобно и при этом хочется спать, что я наелась, откровенно сказать, какой-то жирной дряни и от нее меня мутило, плюс то, что мне хотелось укрыться, но решиться даже вытащить одеяло я не могла.

Подумав, я встала и выволокла из-под кровати жаровню – выпинала ногами, чтобы не обжечься, и очень некстати вспомнила, что читала о дамах в красивых платьях. Камин, искра...

Почему я не подумала раньше? Почему только в этот момент у меня в голове что-то щелкнуло? То, как бедняжку Маризу гоняли и били по щекам в замке – без разницы, что в тебе течет графская кровь, а не такие они уж тут и поклонники аристократии...

– Эй! – заорала я на весь коридор, помогая себе мощными ударами ногой в дверь, наплевав на то, что перебужу воплем и грохотом половину гостей. – Эй, девка!

Наверное, мне бы кричали так же. Точнее, той Маризе, которой не посчастливилось родиться той, кем она родилась. Девка, подай, принеси, получи оплеуху, проглоти ее и разноси туфли. Насколько это было нормально – испытывать сострадание к собственному телу и отделять его от собственного ума, я старалась не думать.

Но познания об обращении с прислугой у меня ограничивались сериалами, и то зарубежными фэнтези, ни на одну отечественную поделку не хватило не то что меня, но и мою помощницу по хозяйству, а вот к ее «Игре престолов» я относилась весьма снисходительно.

– Девка! Эй! Кто-нибудь, чернь ленивая!

Мариза, фамилии которой я не знала, и Адриана де Аллеран показала свой довольно паршивый нрав и зычный голос. Я легко перекрикивала двигатели дизельных фур и заставляла шевелиться сонных гастарбайтеров.

– Что желает ваша милость?

Моя милость алчно усмехнулась. Мою милость переклинило, зато я теперь понимала, откуда такие перепады в моем настроении. Я их то ли никогда не испытывала, то ли забыла с возрастом, и внезапно выяснилось, что справляться с ними не так уж и просто.

Девушка, которую я раньше не видела, и на мгновение мне ее стало жаль, стояла передо мной, покорно склонив голову.

– Во-первых, принеси мне соломы свежей, сухой, накидай на пол. – Я решила, что лучше жуки, чем иная живность. – Что смотришь, не знаешь, что свежая солома придает свежий цвет лицу?

Это был бред, причем отвратительный. Но бреду верили даже в мои просвещенные времена. Я видела, что продают в инстаграме, да и вообще в сети.

– Сейчас сделаю, ваша милость.

– Стой. Видишь это? – я потыкала в сундук пальцем. – Там платья. Приносишь сюда еще пару жаровен. Растапливаешь их. Сверху кладешь металлические листы. Есть металлические

листы? Большие. Спроси на кухне. На эти листы кладешь платья по очереди и ждешь, пока они хорошенько прогреются, но следи, чтобы они не сгорели. Поняла?

Девушка кивнула. В ее глазах я читала: «Ее милость умом тронулась».

– После того, как обработаешь... я хотела сказать – прогреешь, складывай на солому. Не в сундук и не на кровать! С сундуком сделаешь так: анис, герань, базилик, шалфей, есть что-нибудь?

– Герань у хозяйки есть, ваша милость.

Бедное дитя, показалось мне, привыкла иметь дело с умалишенными. Точно знала, что перечить не стоит. Это только начало, не сдержала усмешки я.

Глава девятая

– Тащи все... Неси все. – А мне следовало выбирать выражения. Когда маску Маризы мне позволено было снять, Мария Успенская словно забыла, где она находится. Я потрянула головой и подумала, что горничная все равно пропустит это мимо ушей. – Я заплачу. Берешь сундук, вымываешь его, потом затираешь геранью... берешь листья и трешь, трешь, – я показала как, а несчастная девушка побледнела так, насколько это было возможно рассмотреть в полумраке. – А после того, как сундук провоняет, складываешь платья и пересыпаешь листьями герани. Поняла?

Девушка кивнула.

– Как тебя зовут?

– Анаис, ваша милость.

– Хорошо, Анаис. Я тебе заплачу. А еще заплачу, если ты приготовишь мне ванну.

– У нас нет ванны, ваша милость. Господа в городские бани ходят. Вашей милости туда ну совсем не нужно.

Моя милость, выходит, чесаться должна, хмыкнула я. Но какой-то должен быть выход? Хотя бы... да, почему бы и нет, начать с малого. Анаис вместе с другой служанкой притащила одну жаровню, потом вторую, потом явился толстый вонючий мужик, судя по всему, повар, он тащил лист железа, и хотя я наивно предположила, что это что-то с кухни – нет, лист был явно откуда-то из другого места, но тоже с жирными пятнами. Платья мне было жаль, но себя жалче. Я к тому времени уже успела кое-как разобрать уложенные волосы и то, что мужик вылетел, как будто ему углей насыпали в штаны, списала на то, что я была простоволосая.

Я дождалась, пока девушки разложат первую партию платьев – все же моя семейка не покупила бы на это – и приказала помочь мне раздеться окончательно. Анаис, очень смущаясь, испросила разрешения остаться второй девушке – Жюли, я позволила. Помощь была кстати, девушки работали споро, я только кусала губы и молилась, как умела, чтобы вшей не было на них. Но, понаблюдав, поняла, что служанки не чесались вовсе, и что это значило, как объяснить, я понятия не имела. Прислуга чаще ходила в эти городские бани?

Я же осталась в одной рубашке. Было холодно, но то, что я задумала, того стоило.

Как Анаис и Жюли ни старались, запах паленого я почувствовала. Успела подскочить и сорвать тлеющее платье, затоптала его ногами, и вид у меня, наверное, в этой непонятной рубашке был очень потешный, а затем случилось то, что я не сразу смогла понять.

Анаис вскрикнула и закрыла рот рукой, Жюли, которая разложила пострадавшее платье на жаровне, с воем кинулась ко мне в ноги. Я шмякнулась на грязный пол, отбив себе колени, и зажала ей рот.

– Не ори, – прошипела я. Не хватало еще, чтобы сбежалась половина этого рассадника блох. – Пожара же не случилось.

– Ваша милость разгневалась, – прохныкала Жюли, – ваша милость топтала ногами платье.

– Да? – переспросила я и только теперь поняла, как она истолковала мое поведение. Барышня изволили сорвать платьишко с жаровни и в гнев топчут его ногами, мол, отработанный материал. – Невелика потеря. Отцепись от меня и иди следи, чтобы не сгорело и остальное вместе с этим борде... кабаком.

Быть собой было очень легко. Если две курочки и решат рассказать кому-то, то им не поверят. Я выдохнула, рассмотрела два платья из бархата, которые уже успели пройти дезинфекцию... в такой темноте я не видела никаких насекомых. Кипячение, подумала я. Кипячение в каком-то отваре, может, с тем же анисом или с чем-то еще. К моему великому, как я теперь поняла, сожалению мне никогда не приходилось уничтожать вшей дедовским способом.

В пионерских лагерях, где была я и были вши, нас мазала медсестра каким-то составом, а уже позже, когда пару раз я цепляла незваных гостей, ночуя во время поездок в дрянных мотелях, под рукой все равно были аптеки и знающие провизоры.

Я не знала, сколько прошло времени. Час, два, может, три, но девушек никто не хватился, а ко мне никто не заходил. Кучер, который меня привез, словно испарился или напился, и я была благодарна мирозданию хотя бы за то, что дало мне передышку. Она была мне очень нужна.

Я попросила принести мелкий гребень и отошла подальше от платьев и соломы, пока девушки мыли сундук. В комнате теперь было адски жарко, Анаис и Жюли страдали, утирали то и дело пот, я же, наоборот, грелась от души, понимая, что новая возможность появится у меня очень скоро.

– А зачем ваша милость приказала так делать? – осмелев, спросила Анаис. Испорченное платье так и валялось на полу, и она на него нет-нет, но косилась.

– Насекомых чтобы не было, – пояснила я. Поняла она или нет? Но у нее мысль работала в другом направлении.

– Ваша милость позволит платье забрать?

– Зачем? – пожала я плечами. Волосы у Маризы были густыми, я справилась только с третью головы, а руки у меня уже отваливались. – Ты его уже не починишь, вон какая дыра.

– Так я и не барышня, – улыбнулась Анаис, – заштопаю и так похожу.

«Да бери ради бога», – усмехнулась Мария Успенская, а Мариза, Адриана де Аллеран, томно пожала плечами и величественно кивнула внезапно зачесавшейся головой.

Уже ближе к утру я высыпала на ладонь немного монет и протянула девушкам. На их лицах читалось, что это был размер месячного жалования... Я заплела косу, повалилась на кучу соломы, перед этим предусмотрительно переодевшись в одну из обработанных рубаш и бросив свою на пол как можно дальше, и заснула моментально.

Разбудили меня чьи-то шаги, и первое, что я хотела сделать – заорать, что нечего тут шастать, но я вовремя вспомнила, кто я и где я... Проклятое мое состояние, вызванное гормонами, чуть не швырнуло меня в истерику, и я со стоном втянула воздух сквозь зубы. Черт, мне так мучиться еще несколько дней, и ведь нет ничего, что позволило бы мне держаться, никаких медикаментов. Здесь вообще можно забыть слово «медикаменты» – легче будет смириться с неизбежностью. Но я могла надеть глупости... и еще какие глупости. Бедная юная курочка, подумала я о Маризе с какой-то несвойственной мне нежностью, а потом посмотрела, кто это там ходит.

Оказалось, что та же девица, что приносила жаровню и снимала с меня одежду.

– Пришли сюда Анаис или Жюли, – потребовала я. – Не хочу тебя видеть.

– Они не обучены ходить за господами, ваша милость, – ровно и словно как-то заученно ответила служанка, а я подумала – странно, но они обе пришли ко мне. – Хозяин ругается, когда они пытаются так заработать.

И она очень нехорошо ухмыльнулась. Я почувствовала злость, смешанную с досадой, не столько на этот мир и населяющих его людей, сколько на себя. Получается, что я их обеих подставила. По лицу девушки я видела, что она непременно их сдаст хозяину, но почему?

– А никто не узнает, – пообещала я. – Ты никому не скажешь, особенно если хочешь сама заработать и ничего при этом не делать.

Я чувствовала себя мерзко. Служанка улыбалась гаденько, и у меня внутри заворчалось чувство повышенной справедливости. Я виновата – я исправлю.

– Или мне стоит самой сказать хозяину, что ты дрыхла вместо того, чтобы явиться на мой зов? Или что – развлекалась где-то с кем-то?

Я попала в цель. Был шанс, что она проводила это время с хозяином, но нет, по дрогнувшему личику я поняла, что нанесла удар куда нужно, и теперь следовало закрепить пройденный материал.

– Пойди принеси мне... что вчера приносила. Подвязки, тряпки. А потом поможешь одеться. И помни, не зли меня.

Служанка выскочила из комнаты. Я, не особенно ей доверяя, приоткрыла дверь – куда она пойдет? Но нет, она скрылась в какой-то комнатке, мало похожей даже на местный номер, судя по тому, что две двери по бокам были слишком близко. Или ее каморка, или подсобка.

Я покопалась в платьях, приглядываясь к результату, но, к сожалению, насколько мне удалось то, что я задумала, узнать я могла только опытным путем. Даже утром в этой проклятой комнатке было настолько темно, что я не особо надеялась разглядеть, ползает ли что-то там, в швах одежды. Но я отобрала себе наряд поудобнее, помня, что мне предстоит опять трястись в этой адской машине.

Многовато в этом мире ада, мрачно подумала я. Ванна, я очень хотела принять ванну, что-то там говорили про городские бани, но, скорее всего, мне не стоит на это рассчитывать.

Вернулась служанка, протянула мне тряпки. Я уже потянулась к ним рукой, как меня осенило.

– Они использованные!

– Они чистые, ваша милость, – с обидой сказала служанка. Допустим, я и сама это видела, что выстираны тряпки были довольно тщательно, но... и я постаралась не думать о том, что вчера я вообще не обратила на это внимание.

Выход? Мне необходимо найти выход как можно скорей.

– У твоего хозяина есть чистая простыня? – спросила я и поискала взглядом, где валяется мой мешочек. Вон он, под моей курточкой, которая верх от юбки. Лицо служанки вытянулось. – Принеси мне чистую простыню и порви ее.

Девушка хлопала глазами, не зная, что мне ответить. В моем прежнем мире подобная скорость обработки поступающей информации обозлила бы меня настолько, что я указала бы ей на дверь, здесь мне пришлось вспомнить, сколько стоят ткани, и признать, что заплатить за тряпки мне придется едва ли не столько, сколько за хороший обед.

– Как тебя зовут?

– Бернадетт, ваша милость.

– Принеси мне простынь, Бернадетт. – Я подошла к одежде, вытащила мешочек, из мешочка вынула монетку. Моих денег могло не хватить на такие непредвиденные, но необходимые траты. – Держи. Хозяину можешь ничего не говорить.

Она стояла и хлопала глазами, и до меня дошло, какую глупость я только что сморозила. Не говорить, конечно, тут хозяин – идиот и простыни не считает. И не заметит ничего, очевидно, подумала я и мысленно подняла табличку «сарказм».

Я протянула ей еще одну монетку и поправилась:

– Скажешь, что продала простыню мне. Отдашь деньги, а разницу себе оставишь. За труды.

Она не решалась. Я видела, как ей хочется получить эти деньги, но страх быть поротой перевешивал. Ненадолго – люди жадны, и досадно, что приходится пользоваться этой слабостью, но что делать, у каждого из нас есть порок. Я ждала, Бернадетт нервничала, но затем выхватила у меня монетки и убежала.

Пока она рвала принесенную простыню, лицо у нее было таким, словно она занималась святотатством. Я же была обеспечена тканью хотя бы на один отведенный природой срок.

По крайней мере, меня не беспокоили. Я оделась, потом Бернадетт принесла мне поесть. Я выяснила, что Анаис и Жюли – падчерицы хозяина, что кучер, который меня привез, с вечера «нехорош» и пытается хоть как-то прийти в себя, что лезары – вот я и узнала, как называются

твари, летающие над лесом – напали на какой-то обоз и что мне повезло, что я еду в крытой карете...

В путь мы тронулись не раньше полудня. То, как вчера злоупотребил свободой кучер, я смогла оценить, когда его увидела: он не то чтобы не стоял на ногах, но было ему явно скверно, он даже не помогал ставить сундук с моими платьями, а хватал свежий снег с покосившегося заборчика и шлепал его на лицо. Снег таял от прикосновений, сочными каплями падал в грязь под ногами, а меня снова мучило от запахов.

Здесь воняло везде, и я усмехнулась, отвернувшись – если бы не вонь на улице, меня сшибли бы ароматы, исходящие от людей. Приходится не дышать глубоко и искать преимущества там, где их нет.

Я устроилась уже привычно – с ногами на сиденье, и уперлась спиной в стенку, а еще я предусмотрительно захватила пару накидок и сейчас скрутила их в подобие подушек. Я не знала, сколько нам ехать до очередного города, но очень хотела обеспечить себе хоть какой-то условный комфорт.

Что мы покинули город, я поняла по тому, что снаружи стало меньше криков и меньше вони. Значительно потеплело, и я выглянула в окно – мы ехали по какому-то проселку, впрочем, здесь все проселок, так, кривая дорожка, карета переваливалась и двигалась очень медленно, я рассматривала лесок вдалеке: несмотря на ночной снегопад, тот был черен, и сугробы за одну ночь будто просели. Скоро весна, отстраненно подумала я. Другой мир, тот, к которому я привыкла, весной отряхивался и оживал, но здесь я пессимистично рассчитывала на то, что вокруг лишь станет сильнее вонять. Или, что вполне может быть, мне доведется пробыть тут не так уж и много? Это чистилище, может быть, и как только я искуплю грехи, меня отправят в подобие рая? Как будет выглядеть мой личный рай? Тишина, покой, вокруг нет людей, и пусть даже ни моря, ни белого песка, ни кокосов, а просто деревенский домик и пара коров – справимся. Это в том случае, если я искуплю грехи, иначе мироздание вдруг решит, что я заслуживаю иного: клуб, люди, музыка, танцы – проще говоря, отправит меня прямиком в ад. Немного задумавшись перед этим, что мне хуже – жара или холод.

Я смотрела в окно и не видела ничего подозрительного. Абсолютно. Если не считать того, что вдалеке шли какие-то люди, возможно, крестьяне, и они вдруг бросились в сторону леса. А моя карета ни с того ни с сего рванула так резко, что я едва не слетела с сиденья.

Глава десятая

Кучер орал что-то неразборчиво, ржали лошади, а я прикусила язык до крови. Черт. Несмотря на то, что происходило что-то неправильное, я хладнокровно провела рукой по губам и, скривившись, недолго думая вытерла испачканную ладонь о сиденье.

Карета прыгала по неровностям, и я с каким-то обреченным интересом ждала, что она вот-вот опрокинется. Кучер что-то вопил, и я по голосу понимала, что он очень напуган. Но поскольку все происходящее было вне моего контроля, мне оставалось только засунуть в рот и зажать зубами кусок той самой чистой простыни, чтобы не прикусить себе еще что-нибудь, и ухватиться за сиденье, сидя на полу. Падать мне в любом случае будет больно, и пусть скорость у кареты не такая, как у летящей по МКАДу машины, сломанные руки или ноги при здешнем уровне медицины окажутся критичны. И хромота – не самый плохой исход.

Когда мне казалось, что еще немного – и мы точно перевернемся, и я даже вцепилась в сиденье что было сил и стиснула зубы посильнее, а потом уперлась ногами в сиденье напротив, карета остановилась. Ржали лошади, и кучер перестал орать и теперь, как я поняла, пытался успокоить обеспокоенных животных. Откуда-то донесся еле слышный крик отчаяния и боли, короткий, он оборвался слишком внезапно, чтобы я могла решить – все закончено. Нет, что-то происходило, и мы были абсолютно не защищены. Разбойники? Те самые твари, которые от голода нападают на людей?

Я выбралась, выглянула в окно. Мне ничего не было видно кроме частокола стволов и спины кучера.

– Эй! – крикнула я. – Что случилось?

– Вот дура-то, – в сердцах ответил кучер, не оборачиваясь ко мне. – Мариза, что же госпожа графиня кроме тебя никого не нашла?

Он наконец повернулся. Да, ночь возлияний не прошла для него даром, и попытки прийти в себя особого эффекта не дали.

– Тебя забыли спросить, – огрызнулась я. Обсуждать решение отправить меня ко двору у меня не было ни малейшего желания. – Что там такое?

– Лезары, дурья твоя башка, – морщась, отозвался кучер. – Оголодали, твари, зверье ведь попряталось. Еле успели уйти.

– Мы же в карете, – пробормотала я, сознавая, что поняла что-то неправильно. Но вряд ли я могла узнать это иным способом. Иногда стоит прикинуться непонимающей – так проще получить информацию. В бизнесе это работало строго наоборот: делай вид, что тебе все понятно, никак иначе, разберешься сама и потом, главное – не принимать поспешных решений.

– Это ты в карете, – оскалился кучер. – Сожрут меня, что делать будешь?

Резонно, согласилась я. Хотя... Наверное, плюну на то, что герцогиня выскажет графской семейке претензии – мол, придворную даму не довели. А был бы отличный вариант, если бы я умела ездить верхом и могла бы оседлать уцелевшую лошадь. Жестокий вариант, но отличный, и я не терзалась бы муками совести, потому что кто бы ими терзался из-за меня.

Кучер ходил туда-сюда. Я рассматривала его – вполне еще молод, рановато ему умирать. Никаких больше звуков не доносилось, ни криков, ни стонов, лошади затихли, я сделала вывод, что опасность миновала, и даже приоткрыла дверь, но кучер тут же на меня зашикал.

– Думаешь, они улетели? Как бы не так.

– Как ты узнаешь, что можно ехать?

– Должен увидеть, как они летят. Пока не видел, только как опустились. Кто-то не ушел вовремя в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.